

Fai 1055 40-

Уг 1929 (8/9)

Гос. Книж. Палата
ТУРКМЕНИСТАНА
Акт. 84 ж 59

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

№

Август-сентябрь 1929 года

8-9

Туркменская семья.

В. КАРПЫЧ.

К истории завоевания Туркестана российским капитализмом

Средне-азиатским истпартом недавно выпущен библиографический указатель по истории революционного движения и партии в Средней Азии *). В отделе, указывающем литературу, которая охватывает период с начала завоевания Средней Азии русским царизмом, отмечены следующие работы: 1) Муравейский «Очерки по истории рев. движения в Ср. Азии», 2) Сафаров «Колониальная революция», 3) Галузо «Переселенческое движение и интересы русских помещиков и торгового капитала и переселенческая политика царского правительства в Ср. Азии», 4) Галузо «Доклад в Ком. Академии о причинах завоевания Туркестана», 5) Покровский «Дипломатия и войны царской России в XIX веке», 6) Лаврентьев «От колониального рабства к социалистическому хозяйству», 7) Резцов «К вопросу о роли русского капитализма в Туркестане», 8) Силонов «К вопросу о роли торгового и ростовщического капитала в Ср. Азии», 9) Галузо «Два этапа национально-освободительного движения в Ср. Азии», 10) Сент-Заде «К тридцатилетию Андиджанского восстания», 11) Федоров «Очерки национально-освободительного движения в Ср. Азии», 12) Сборник «Восстание Андиджанского Ишана в 1898 году». После издания этого указателя появились еще следующие работы: 1) Галузо «Колониальная политика русского царизма в Ср. Азии», («Революционный Восток» № 6), 2) Ходоров «К вопросу об исто-

рической эволюции землевладения в Туркестане» («Историк-Марксист» № 10), 3) Галузо «Периодизация национально-освободительного движения в Ср. Азии» («Историк-Марксист» № 11 — отчет о 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов), 4) Цвибак «Классовая борьба в Туркестане» («Историк-Марксист» № 11), 5) Галузо «Туркестан-Колония» Изд. КУТВ 1929 год.

Ни одна из этих работ не посвящена исключительно интересующему нас вопросу — эпохе завоевания. Во всех этих работах авторы только вскользь, только «для разбегу пера» касаются этой эпохи. А, как мы увидим дальше, эпоха эта имеет исключительное, определяющее значение для судеб Средней Азии и для развития в ней классов и классовой борьбы.

Подобная неразработанность важнейшего периода новой истории Средн. Азии породила «большие туманности» в ряде проблем и в то же время при такой малой литературе сумела создать целый ряд больших предрассудков и неправильных представлений о значении, ходе и исходе многих исторических событий, а подчас даже и всего исторического процесса Ср. Азии.

Вот главные «спорные проблемы» в историографии Средней Азии, так или иначе обсуждавшиеся в нашей литературе:

1) Причины завоевательного движения царской России в Ср. Азию. Было ли это движением авантюрных «конквистадоров», не предусматривавших никаких экономических целей в своем исключительно «стратегическом» ходе на Восток? Было ли это движением торгового капитала? Или в этом походе чувствовался уже приказ промышленного капитала?

*) П. Антропов. «Что и как читать по истории революционного движения и партии в Ср. Азии». Истпарт. Узб. ГИЗ Ташкент—Самарканд 1929 год.

2) Каково было внутреннее состояние Ср. Азии к моменту завоеваний? Была ли в тупике экономика Ср. Азии? Или завоевание прервало какой-либо прогрессивный процесс в хозяйственной жизни Туркестана?

3) Как оценивать значение для Ср. Азии вторжения русского капитала: как явление исторически прогрессивное или нет?

4) В зависимости от этого—что считать революционными задачами того периода для Ср. Азии? Какой класс являлся тогда носителем этих революционных задач? Как расценивать бывшие в тот период национальные движения?

5) На основе предыдущих построений—каким образом должна марксистская историография «периодизировать» исторический процесс развития периода Ср. Азии.

По всем этим пунктам должна существовать единая марксистская точка зрения. Эту точку зрения нетрудно отыскать и установить, правильно пользуясь прекрасным инструментом—марксистской диалектики. И все же приходится вести спор по совершенно бесспорным вещам, чтобы расчистить путь к пониманию исторических фактов Ср. Азии—так велики нагромождения всяческих нелепых представлений и предрассудков о Туркестане.

Наибольшее количество ошибок в изложении нашими товарищами истории Ср. Азии происходит вследствие того, что наши историки до сих пор удивительно неудачно и неправильно выбирали себе наблюдательный пункт: с него можно было видеть события только «сверху

вниз», нельзя было взглянуть на эти события «снизу вверх», чтобы увидеть те доподлинно внутренние изменения, какие происходят в самой толще социально-экономической структуры Ср. Азии. А известно, что когда историк скользит только по поверхности событий, затрагивая только их внешние стороны, то никакого марксистского анализа не получается, так как анализ это именно и есть углубленное и всестороннее рассмотрение внутренних составных элементов того или иного явления, а марксистский анализ требует еще и обязательного выяснения взаимозависимости и взаимосодействия разбираемых событий в их диалектическом развитии—движении.

Вследствие же того, что тема завоевания Ср. Азии до сих пор специального разбора не получила—эта эпоха освещена исключительно с «верхней» точки зрения. Все движение дано, как исключительно движение внешних сил. Состояние и движение внутренних классовых сил никогда не было объектом изучения, и поэтому описание событий носит односторонний (а потому искажающий смысл) характер.

Совершенно ясно, что для получения правильной картины описываемой эпохи необходим двусторонний анализ.

Попытку дать подобный двусторонний анализ и представляет моя данная работа.

Разберемся же по порядку в спорных вопросах из эпохи завоевания Ср. Азии.

1. Причины завоевательного движения русского царизма в Среднюю Азию.

Останавливаться подробно на рассуждениях буржуазных историков совершенно не следует. Царские историки услужливо изображали всю завоевательную эпопею, как победное шествие русских чудо-богатырей на «дикарей-бусурман». В объяснение причин или целей движения большинство не вдавалось. А если пытались объяснить, то объясняли или необходимостью «защитить границы России от набегов хищников», или вдавались в мистику. Так, например, М. Анненков пишет: «И в Англии и в России, как со стороны общества, так и со стороны правительства замечалось одно и то же твердое намерение не двигаться вперед, не делать завоеваний и, несмотря на это, все-таки оба государства, по какому-то неисповедимым предначертанием судьбы постоянно двигаются вперед *).

Как же определяются в марксистской литературе причины этого движения?

М. Н. Покровский в 4-м томе своей «Русской Истории» мимоходом бросает следующую фразу:.... «Можно с полной уверенностью принять, что завоеватели Туркестана тогда еще сами хорошенько не знали, какое именно употребление сделают они из своих завоеваний. Просто, отдохнув от крымского погрома, они вновь принялись за прерванное ими дело, подчиняясь своего рода инстинкту, выработавшемуся за предшествовавшие 40 лет».

Эту точку зрения подробнее развил Н. А. Рожков в своей 12-томной «Русской Истории»

«Колониальная политика передовых капиталистических западно-европейских стран представляла собою одно из наиболее ранних проявлений капиталистического империализма, хотя и там первые ее моменты относятся еще к эпохе торгового капитализма и носят на себе печать хищничества конкистадоров. Несомненно, что и русская политика на Дальнем Востоке и в Средней Азии впоследствии осложнилась буржуазно-капиталистическими мотивами и результатами, стоявшими в тесной связи с хищнической финансовой политикой самодержавия, которая лишила массу населения сколько-нибудь значительных покупательных средств, сузила тем самым внутренний рынок и вызвала уродливый русский колониальный империализм с целью приобрести рынки внешние. Но в те десятилетия, которые привлекают сейчас наше внимание, даже этот элементарный буржуазный мотив не проявлял себя сколько-нибудь заметно. Завоевания были простым конкистадорским захватом и хищничеством, из которого только впоследствии русская капиталистическая буржуазия извлекла свою выгоду, обратив колонии и в рынки для сбыта своих товаров, и отчасти также в необходимые для русского капитализма производственные районы (хлопок в Ср. Азии, фрукты, вина, табак, чай, нефть на Кавказе и т. д.) *).

В томе IX «Историка-Маркиста» помещен отчет о заседании секции истории Востока при обществе историков-марксистов от 13-го марта

*) М. Анненков. «Ахал-Текинск. экспед. и путь в Индию» СПб 1881.

*) Н. А. Рожков «Русская История в сравнительно-историческом освещении» том 11-й.

1928 г. На заседании этом живой дискуссией подвергся вопрос — интересы какого капитализма преобладали при захвате Ср. Азии русским царизмом. Приведем точки зрения, фигурировавшие в дискуссии:

Докладчик П. Галузо считает: «... определяющей причиной продвижения русских в Ср. Азию были интересы торгового капитала, а во-вторых, как верно отметил М. Н. Покровский, то обстоятельство, что Ср. Азия нужна была русским и как удобный плацдарм в случае войны с Англией. Но в основном это был объект колониальной эксплуатации, интересовавшей не только русского торговца, но и русского промышленника. Первому важен был рынок, второму — сырье: хлопок и горные богатства».

Тов. Шихов считает совершенно неверным утверждение докладчика, что в Ср. Азии преобладали интересы торгового капитала. «Торговый капитал являлся только агентом капитала промышленного. Органический состав капитала в Ср. Азии не рос, следовательно соблюдались интересы промышленного капитала. В этом смысле надо толковать тот факт, что в Ср.-Азиатских владениях допускался туземный торговый капитал, но совершенно отсутствовал промышленный... и самое завоевание Ср. Азии происходило в такое время, когда промышленный капитал в России обосновался достаточно твердо».

Тов. Шестаков: «Утверждение докладчика о преобладании торгового капитала совершенно не соответствует тому интересу, который питал русский промышленный капитализм к туркестанскому хлопководству. Но и этого недостаточно, потому что, как мы знаем, торговый капитализм с XIX века стал прерождаться в капитализм финансовый. Интересен факт, что незадолго до войны московское общество хлопчатобумажных фабрикантов пыталось организовать крупную компанию по эксплуатации Туркестана. В этом был заинтересован и банковский капитал не только русский, но и английский. Можно думать, что последняя стадия проникновения капитализма в Ср. Азию происходила уже под знаком развернутого капитализма, характеризующая всеми 5-ю ленинскими признаками».

Тов. Галузо в заключительном слове, отвечая тов. Шестакову, утверждает, что «совершенно неправильно говорить, что в Туркестане проводилась политика промышленного капитала. Власть в этот момент была все-же в руках капитала торгового. Конечно, интересы их часто совпадают, но когда они расходятся, решение обычно оказывается в пользу торгового капитала».

Таким образом, наш первый спорный вопрос ср.-азиатской историографии в этой дискуссии не нашел своего разрешения. Это происходит, во-первых, потому, что ср.-азиатское направление русско-капиталистической экспансии в этой дискуссии взято как самодавлеющее, а во-вторых — вне связи со всем длительным прошлым периодом в сношениях России со Ср. Азией.

Если мы будем исправлять первую ошибку, то мы, обратясь ко всему «восточному вопросу» для России в целом, найдем у М. Н. Покровского след. место: «Турок и араб стали одеваться в ткани фабричного производства, и являлся вопрос: у кого они будут их покупать? Промышленный капитализм начал уже развиваться и в России, и, если благодаря низкой производительности труда, русские ткани обходились дороже,

то география и политика были на их стороне: доставить русские товары по речным артериям на берега Черного моря было легче, нежели везти их туда из Манчестера; правительство-же Николая уже в 30-х годах сознательно ставило своей задачей «пролагать оружием пути торговли русской на Восток» и на приспосабливание русские текстильные фабрики уже господствовали почти монополично («Восточный вопрос», БЭТ т. 13, ст. 332).

Таким образом, кажется бесспорным, что движение в Среднюю Азию — это есть движение промышленного капитала, который тянулся и к Черному, и Каспийскому морям, и к хлопководческим районам Средней Азии.

Но спорить: ИЛИ торговый ИЛИ промышленный — будет совершенно неверно.

Надо взглянуть на это движение исторически, и тогда мы увидим следующую картину:

Завоевание Средней Азии нельзя считать событием единовременным и одноактным. Это завоевательное движение длилось очень долгое время. Вначале оно имело характер мирного «приручения» ср.-азиатских купцов к торговому капитализму России, затем характер «прощупывания штыком», и вооруженными посольствами и, наконец, в последнее время превратилось в крупную военную экспедицию, вызвавшую международный дипломатический шум.

Торговые пути на Восток давно интересовали русский торговый класс. Движение на Казань, Астрахань, вся борьба за Волгу и Каспийское море — это тяга к сказочным богатствам Востока. Индия — вот заманчивая страна, сулившая несметные обогащения проникавшему туда предприимателю.

Если мы проследим за историей торговых связей с азиатскими восточными странами, то кратко она сведется вот к чему: «Персидский писатель, живший в 9 веке, пишет: «Что касается купцов русских, они же суть племя из славян, то они ходят на кораблях по реке славянской (Волге), проходят по заливу Хазарской столицы. (гор. Итиль, при впадении Волги в Каспийское море), где владелец его берет с них десятину. Затем они ходят к морю Ожуджил (Аральское), к Балху и Мавераннахру, а потом до Сина (Китай).

«Вероятно, что и в Россию по этой же дороге ходили арабские, индийские, бухарские, хивинские и персидские купцы. Есть весьма веские доказательства, что они действительно провозили свои товары по Каспийскому морю и Волге до Казани, где новгородские купцы забирали их, доставляли в Новгород и в Старую Ладогу, откуда затем отправляли в соседние государства. Доказательством этому служат клады, находимые до сих пор по берегам Волги с монетами арабскими, индийскими и бактрийскими. Скоро узнали азиатские купцы о том, что великая славянская река может доставить их не только к славянам, но и к немцам. Клады встречаются вдоль всего пути, которым ездили сами русские в немецкую землю. Татарское иго на время прервало не только эти, но и другие торговые сношения.

«Насколько известно, первым попытался проехать в Индию тверский купец Афанасий Никитин в конце 15-го столетия, но добрался только до Хоросана. Несколько позднее генуэзец Паоло Центуриони предлагал великому князю Василию Ивановичу завести торговые сношения с Индией через Каспийское море и

снабжать всю Европу. Англичане также не оставались безучастными к вопросу о том, как бы пробраться в Индию через Россию. Они вступили в сношения с Иваном Васильевичем и стали привозить в Россию товары в значительном количестве. В Англии образовалось особое торговое общество, которое поставило себе целью найти наиболее короткий и удобный путь в Индию и Китай. АнтонийДженкенсон в 1555 г. отправился через Россию в Астрахань по Каспийскому морю, достиг Мангуслова (Мангышлак), пробрался в Бухару. В 1561 г. его же поездка в Персию. В 1602 году через Россию был отправлен от римского императора Рудольфа семиградский дворянин Стефан Какаш послом в Персию, в 1635 г. герцог Фридрих Голштейн-Готторпский отправил послов в Россию и Персию в торговых целях, главным образом для получения из Персии через Россию шелка. Тогда же посол шведской королевы Кристины Андрей Бурой составил план наиболее удобного проезда из Белого моря в Астрахань и по Каспийскому морю далее на Восток.

«Царь Алексей Михайлович два раза посылал послов к великому монголу, но оба раза персидский шах Абас 2-й не пропустил их. В 1669 г. послали в разведку Пазухина через Бухару. В 1695 году послан с царскими товарами и золотыми купец Семен Маленький, он проехал до Дели, распродал и закупил товаров.

Петр Первый снарядил две экспедиции — со стороны Сибири — Бухгалца и со стороны Астрахани—Бековича-Черкасского.

В 1750 году по настоянию Неймоева, оренбургского губернатора, снаряжен караван в Индию. Учреждена была русско-индийская компания. Первый караван в Средне-Азиатское ханство был снаряжен в 1753 году под начальством самарского купца Рукавишникова. С того же времени стали применяться различные льготы для средне-азиатских купцов.

«По Борнсу, перечень русских товаров в Бухару до Кабула таков: пистолеты, ружья, ружейные замки, висячие замки, кожа, бритвы, железная и медная проволока, иглы, китовый ус, очки, зеркала, фаянс, писчая бумага, тонкие сукна, бархат, атлас, ситцы, нанка, чай и проч. товары.

«Развитие нашей азиатской торговли выражается следующими цифрами:

Годы:	Привоз:	Отпуск:
1773—77	241.794	р. ассиг. 206.186 р. ассиг
1793—97	1 547.069	„ 1.179.445 „
1804—07	2.071.564	„ 987.974 „
1812—15	4.071.564	„ 3.582.881 „
1820—23	5.381.155	„ 3.763.611 „
1824—27	5.759.252	„ 4.889.705 „
1828—31	6.267.414	„ 5.889.646 „

Торговля все расширялась до 1839 года, т.е. до неудавшейся русской экспедиции в Хиву, когда русский торговый оборот с 15 слишком миллионов упал до 5 мил., но к 1857 г. снова достиг 53.074.000 серебром» (Все цитировано по М. Анненкову «Ахалтекинская экспедиция и путь в Индию» изд. 1881 г.).

Таким образом пролагателем путей из России в Среднюю Азию был несомненно торго-

вый капитал. Он сумел установить прочные связи с купечеством Туркестана, он сумел создать многомиллионные обороты, он делал первые попытки к захвату Средней Азии в русские владения.

Но последняя задача не удалась, да она и в ту опру и не вставала, как жизненно необходимая задача торговой России. Ее жизненные устремления были направлены на выход к Черному морю и из Черного моря в Европу,—сюда потоком стекались сотни тысяч тонн русской пшеницы. Но вот созрели силы промышленного капитализма в России, не только пшеница, но и ситец потребовал сбыта. И если пшенице нужны были проливы в Европу, то ситцу потребовались ворота на Восток — в Азию. Под напором внутренних конкурирующих сил трещит давнишняя англо-русская дружба, превращаясь в длительную англо-русскую вражду. Катастрофическое поражение на Черном море заставляет Россию броситься в Среднюю Азию и на Дальний Восток.

И у границ средне-азиатских ханств смыкаются интересы и торгового и промышленного капитала.

Тов. Галузо приводит следующие цифровые данные за последнее десятилетие «мирных» отношений с Туркестаном:

«Если стоимость оборота через оренбургскую таможню за 1857 г. принять за 100, то мы получим следующий показатель роста этих оборотов:

Годы:	Из России	В Россию
В 1857 г.	100,0	100,0
„ 1850 „	113,3	127,5
„ 1861 „	133,4	141,8
„ 1863 „	161,4	121,4
„ 1865 „	151,6	154,1
„ 1867 „	214,2	439,3

«В области торговли, таким образом, мы имеем, во-первых, процесс роста торговых связей с краем, как за период предшествовавший завоеванию края, так и за десятилетие—вторая половина которого была уже периодом военных действий» *).

Интересно отметить, как изменилась за последние годы перед захватом Средней Азии номенклатура товаров, вывозимых из России. Мы читали по Борнсу: «пистолеты, ружья, ружейные замки, висячие замки, бритвы, железные и медные проволоки и т. д.». С 1840-х годов номенклатура резко изменяется. Здесь же 28,5 проц. уже составляют товары хлопчатобумажные. Так прощупывался рынок русской текстильной промышленности. Точно также изменялся и состав вывозимых из Средней Азии в Россию товаров. Тут уже не только восточные пряности, не только шелк и предметы восточных украшений и диковинок—здесь начинает преобладать хлопок. В указанной книге тов. Галузо пишет: «По всему заграничному ввозу хлопка, принятому за 100, ввоз средне-азиатского хлопка составлял: 1861 г.—4,0; 1862 г.—80,0; в 183 г.—83,3; 1854 г.—75,4».

Так прощупывалась сырьевая база русской текстильной промышленности.

*) П. Галузо. «Туркестан — колония» стр. 11.

Если мы возьмем другое направление, в котором двигалось русское завоевание—направление туркменское, от Каспийского моря,—то и здесь оказались крайне заинтересованными и торговый и промышленный капитализм. Еще не начиналось генеральное движение в Среднюю Азию, еще только Ташкент был взят с Оренбургского направления и дипломатия писала в нотах, что дальнейшее движение в Туркестане приостановится, но в это же время в Петербурге промышленные круги строили свои большие и широкие планы: «хотодастствовать перед правительством о крайней необходимости безотлагательного открытия торгового пути от восточного берега Каспийского моря к реке Аму-Дарье в Среднюю Азию».

Такое постановление вынесло еще в 1869 г. четвертое отделение общества содействия русской промышленности и торговли после разработки вопросов о состоянии торговых путей в Среднюю Азию (цитировано по указанной книге П. Галузо).

В той же книге тов. Галузо детально разбирает и еще один стимул к скорейшему овладению краем—это заманчивые (как казалось вначале) перспективы эксплуатации горных богатств Туркестана. Горные разведки в приграничной полосе начались уже с 1850 г. и в первые годы продвижения войск сопровождались прямо горячей горных изысканий.

Таким образом в вопросе о причинах завоевания мы должны ликвидировать споры прижизненно следующими положениями:

1. Завоевание Средней Азии не было экономически необдуманным военным походом, когда русская буржуазия сама не знала, может ли она извлечь какие-либо выгоды из этого приобретения (мимоходом брошенная фраза М. Покровского, развитая Н. Рожковым)

2. Завоевание Средней Азии исторически подготовлялось длительным периодом экономических и военных соприкосновений, почему историю завоевания Туркестана нельзя замыкать в рамки периода непосредственных боев 60—80 годов (что делается большинством пишущих о Туркестане).

3. Нельзя «англо-русское соперничество» превращать в какую-то самодозвещающую категорию, оторванную от насущных интересов русской буржуазии, и эту абстрактную причину ставить во главу угла причин завоевания Средней Азии (что делают некоторые товарищи, неправильно истолковывая соответствующие места о Ср. Азии из общей конвенции. Н. М. Покровского о суждениях дипломатии и войн царской России в 19 веке).

4. Нельзя противопоставлять интересы русского торгового и промышленного капитала при выяснении мотивов захвата Средней Азии. Безусловно, к периоду фактического завоевания Средней Азии интересы торгового и промышленного капитализма совпали в объединенном стремлении захвата Туркестана, этого края богатых возможностей. В самом конце эпохи завоевания к этому объединенному торгово-промышленному фронту присоединились интересы и финансового капитала. (Точка зрения т. Шестакова, высказанная в дискуссии общества историков-марксистов и документированная историческими фактами тов. Галузо «Туркестан-колониция»).

5. Но—что всего важнее—завоевание Средней Азии русским капитализмом следует рассматривать не только, как нашествие извне, но и как созревший внутренний социально-экономический переворот в Средней Азии (обоснование этого тезиса смотри дальше).

(Продолжение следует)

Туркменки (пл. номуд) за выделкой кошмы (войлочный ковер).

For 1055 40

1929

(10/11)

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

№ 10-11

ОКТАБРЬ - НОЯБРЬ

1929 г.

№ 10-11

К ИСТОРИИ

завоевания Туркестана российским капитализмом

Внутреннее социально-экономическое состояние Средней Азии к моменту завоевания Россией*)

Но если даже правильно представлять себе — какие социально-экономические силы России надвигались на Среднюю Азию, то и это не может гарантировать историка от совершенно ложных выводов, если он останется на точке зрения наблюдателя событий «сверху вниз». А этим как раз и страдает большинство наших историографов Средней Азии.

Особенно ярко этот грех сказался на работах Н. Глауза. На его работах мы и остановимся на этот раз, поскольку в последние годы именно его работы посвящаются специально истории Средней Азии.

Характеристику эпохи завоевания для Средней Азии и стоящих в эту эпоху внутренних революционных задач — т. Глазуго дает в следующих работах:

1) — «Два этапа национально-освободительного движения в Средней Азии» (к 25-летию юбилею 2-го съезда РСДРП), «Правда Востока» № 172, 30 июля — 28 года, г. Ташкент.

2) — «О периодизации национально-освободительного движения в Средней Азии», (тезисы и доклады на первой Всесоюзной Конференции Историков-марксистов. Декабрь — январь 1928 — 29 г. Отчет о докладе помещен в томе XI «Историка-Марксиста»).

3) — «Колониальная политика русского царизма в Средней Азии». («Рев. Восток» № 6).

4) — «Туркестан-колония», издан. КУТВ, Москва, 1929 года. В этой работе подведены итоги предыдущим высказываниям автора, и там нашли отражение в законченном виде взгляды т. Глазуго на историю революционного движения в Средней Азии.

Эти взгляды о первом, наиболее неосвещенном и в то же время наиболее ответственном периоде новой истории Средней Азии, совершенно, на мой взгляд, не марксистски изложены в работах тов. Глазуго. А так как эти моменты очень актуальны, по ним мы должны определять пути историко-политического воспитания местной коренной молодежи, то мы должны поднять решительную борьбу против проповедуемых взглядов на историю революционных движений в Средней Азии.

В чем же грубая ошибка тов. Глазуго? В чем их прямая политическая вредность для наших дней? На эти вопросы мы ответим в следующих частях нашей работы. Здесь же мы остановимся только на разборе первоначального греха, разбираемого (как и других) автора.

Главная (методологически совершенно недопустимая) ошибка тов. Глазуго (как и других) заключается в том, что он не дал себе труда перед всеми своими выводами предварительно хоть сколько-нибудь в крупных чертах разобраться, во внутренней обстановке Средней Азии. Средняя Азия кануна завоевания предстает перед читателем, как некий монолитный классово-единый объект завоевания для внешних сил.

Следует самым пристальным образом разобратсь во внутренних исторических событиях, происходивших на территории огромной Средней Азии.

К. Маркс как-то уже дал беглую характеристику положения миллионных масс Азии в докапиталистический период. Указывая на разрушение Индийской общины под влиянием английского завоевания, К. Маркс пишет, что «как ни прискорбно нам сокру-

шаться при виде дезорганизации и разложения этих десятков тысяч трудолюбивых и мирных групп..... мы не должны все же забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия, всякой энергии к историческому действию. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сконцентрировавшись на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, — как разрушались большие империи, как совершались несказанные жестокости, как вырезывалась масса населения больших городов, — спокойно наблюдали, не уделяя этому большего внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной добычей любого насильника, удостовившего их своим вниманием. Мы не должны забывать, что эта презренная, застойная, растительная жизнь, что эта пассивная форма существования — вызывала с другой стороны, в противовес себе, дикие, слепые и не обузданные силы разрушения, и сделала самое убийство религиозным ритуалом в Индостане. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины были осквернены кастовыми различиями и рабством, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам — вместо того, чтобы возвысить его до роли владыки этих обстоятельств. Мы не должны забывать, что они превратили саморазвивающееся социальное состояние в неизменный предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унижительность которого сказывается в том факте, что человек, этот владыка природы, благовежно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед коровой Сабавай». *)

Если вычесть из этого описания некоторые специфические-индийские черточки (культ обезьяны и коровы, касты и т. д.), то мы можем назвать это картиной, вполне подходящей для Средней Азии.

И здесь мы видим ту-же застойность, ту-же обреченность бесконечным и беспрерывным завоевательным налетам с любой стороны — и с юга со стороны персидских завоевателей, и с севера, и с запада (Александр Македонский), и с Востока (Тимур — Чингис-Хан) и т. д. и т. д.

Мы не будем вдаваться вглубь древней истории Средней Азии (которая вся есть история мучительно-медленных подъемов и новых катастроф), — коснемся только самой последней эпохи Средне-Азиатской истории, бывшей непосредственно накануне русского порабощения.

В 10-й книге «Историка-Марксиста» помещена крайне интересная работа И. Ходорова — «К вопросу об исторической эволюции земледелия в Туркестане». Заимствуем отсюда описания интересующей нас эпохи.

«Рассматриваемый — Узбекский — период туркестанской истории был (снова, и в который уже раз! В. К — ч) в первой своей части времен экономического, политического и культурного упадка в Средней Азии.

Возвышение Западной Европы, связанное с развитием техники судостроения и вооружения и развившееся в открытии новых морских путей и захвате новых богатых стран и районов, повело к падению караванной торговли и торгового значения Средней Азии и к падению ее военно-политиче-

*) К. Маркс «Британское владычество в Индии», стр. 43.

*) Окончание: см. «Туркменоведение» № 8 — 9 — 1929 года.

ского значения. Туркестан, лежавший раньше на широкой столбовой дорожке мировой истории оказался теперь на ее проселке. Не имея выходов в открытое море, разобщенный пустынями и песками от новых центров мировой культуры, Туркестан оказался предостановленным самому себе и, если не совсем остановился в своем развитии, то, во всяком случае, стал продвигаться в нем в сильно замедленном темпе. Вряд ли других причин, приведших Среднюю Азию к упадку, основной является восстановление: узбеками удельной системы с порядком передвижек от стола к столу и с постоянными спорами и войнами за очередь, за право на княжеский стол.

«Единое Средне-Азиатское государство периода Тимура распалось на ряд мелких частей, находящихся в состоянии постоянной войны,—так было и при Шейбанидах (1510—1597 г. г.) и при Астрахадах (1597—1748 г. г.).

Хан, олицетворявший центральную власть, потерял всякое значение,—вся власть в стране перешла фактически к военной аристократии, к феодалам новой формации—Аталыкам в Маверанагаре и инакам—в Хиве.

«Под влиянием указанных причин внешнего и внутреннего характера большие культурные области и города подверглись запустению. Из городов всего более пострадал в XVIII веке Самарканд, в котором в 1540 году было всего 5.000 жителей. В Мерве в конце 18-го века было, повидимому, только 500 жителей; В гор Хиве—только 75—200 человек; совершенно обезлюдел и Ургенч. Как и в более ранний период Средней Азии, военная борьба уделов и княжеств отражалась самым гибельным образом на ирригационных сооружениях. В Хиве, по свидетельству историков, деревни и пашни превратились в леса и заросли. Даже еще в первой половине 19 века во всей долине Кушки совершенно не было населения. Как говорили путешественники Аббот, посетившему бассейн Мургаба в 1839—40 г. г., во всем Мервском оазисе было всего 6.000 жителей туркмен. Под влиянием войн и разрушений исконное таджикское население культурных областей Средней Азии стало массами уходить в горы,—кризис 16—18 в. подрывал самые основы земледелия».

«Борьба между владетелями узбекских уделов, длившаяся около 250 лет (1510—1756 г. г.) закончилась победой сильнейших феодалов и последовавшим за этим процессом «собираания земли», но этот процесс политической консолидации Средней Азии не успел закончиться. К моменту завоевания Туркестана Россией, на исторической арене оставались еще 3 ханства: Бухарское, Кокандское и Хивинское, продолжавшие между собой борьбу за политическое господство на всей территории Средней Азии. Как в свое время в Западной Европе и в России, борьба новых ханов с феодальной родовой знатью сопровождалась конфискацией ее имущества, высылками строптивых феодалов, наложением опалы, заговорами и убийствами».

Такова тяжелая внутренняя картина Средней Азии кануна российского завоевания.

«Образование трех, сравнительно крупных, государств и концентрация в них политической власти, привели к установлению сравнительного порядка внутри них и к замерению в степи. Наступление относительного покоя сказалось заметным подъемом экономической жизни—время, предшествовавшее русскому завоеванию, было временем экономического расцвета Средней Азии: были проведены обширные оросительные работы, сельское хозяйство стало возрождаться, особенно в Фергане, значение которой среди других районов Средней Азии стало в это время быстро возрастать».

Чем же сопровождалось это снова начавшееся процветание Средней Азии?—Несомненным возрастанием роли возникшего и развивавшегося торгового капитала. Это не только следствие наступающего успокоения и начавшегося «собираания земли», но в огромной степени и причина новой полосы в жизни Средней Азии. Опустошенные когда-то города, понемногу стали оживать, ремесленники, меновишки, караванные торговцы—все это снова появилось к жизни, наливалось соками. Возникла городская жизнь, требовавшая ускорения «обмена веществ» в стране. Одним словом,

зародился класс торговой буржуазии. Исходя из того факта, что многие из ханов были сами первыми крупными купцами среди крупных, тов. Галузо делает вывод, что отделять интересы феодалов—ханов от интересов торгового класса невозможно, что вообще в «своеобразных условиях Средней Азии», очевидно невозможно противопоставлять класс феодалов ханов, крупных землевладельцев—против класса торговой буржуазии. А между тем в этом пункте, как раз и заключается весь ключ к пониманию эпохи завоевания Средней Азии.

Народившийся и быстро развившийся внутренний средне-азиатский капитализм вошел в самый острый конфликт с многочисленными границами мелких и мельчайших ханств, княжеств и бекств, а также и с бесконечными междоусобицами, распрями, войнами.

Многочисленные границы вызвали многочисленные пошлыны, ибо каждый хан хотел сорвать с проходящего каравана какую-либо мзду. Бесконечные распри ханов создавали вечную угрозу мирному обогащению, дезорганизуя торговлю, разоряя торговые пути, города, базары и самую базу обмена—сельское хозяйство и ремесло.

И вот, «как и в Европах», народившийся новый класс предопределяет новое государственное устройство, предопределяет собиранье земли, концентрацию политической власти. На груде разоренных мелких удельных ханств возникают три однонациональные, одноплеменные узбекские ханства—Бухара, Хива, Коканд.

Это недоделанное «собиранье земли» не удовлетворяло торговую буржуазию, во-первых, потому, что эта разобщенность грозила застрять на достигнутом этапе чрезмерно долго, так как у каждого из ханств оказались свои внешние и внутренние враги, на борьбу с которыми уходили силы и огромные средства.

Хива боролась с туркменами, наседавшими с западной степи, разорявшими города и селения. Бухара продолжала дело покорения и ассимиляции таджиков (удалявшихся в горы) и туркмен, которые здесь оседали по Аму-Дарье. Коканд и Ташкент боролись с калмыками, казаками и киргизами, наседавшими с севера и востока.

Во-вторых—три «великих ханства» не удовлетворяли торговую буржуазию и потому, что стародавним, законченным феодализмом этими ханствами не был подорван, а, наоборот, еще более возвышался. И каждый хан стремился превратить свое ханство в неподвижное феодально-теократическое государство. Больше всего это удалось бухарскому эмиру, сумевшему Бухару превратить в глазах мусульманства в оплот правоверия, в рассадник мусульманского духовенства, в убежище многочисленных реакционнейших братств, духовных медресе и т. д.

А между тем, некоторое успокоение принесло расцвет торговых сношений с соседями, и, в том числе с Россией. Приведенные выше цифры М. Анненкова говорят, что с 1773 г. по 1839 г. (до первого похода на Кавказ в Хиву) торговый оборот между Россией и Туркестаном возрос с 400.000 до 15-ти миллионов, т. е. почти в 30 раз, а к 1867 г. (т. е. уже годы войны) обороты дошли до 53 милл. рублей.

И вот, под влиянием такого огромного и быстрого роста торговых отношений внутри Средней Азии появляются элементы, мечтающие о более близком соприкосновении с российским капиталом, ведутся даже переговоры о переходе Хивы в подданство России.

В этом новый класс торговой буржуазии Средней Азии видит путь к избавлению от налетов степняков, от междоусобиц, побищ ханств и бекств, и снижению пошлыны.

Таким образом, можно прийти к выводу, что навстречу надвигающемуся российскому капитализму нарастала в Средней Азии низовая волна, содействовавшая переходу русских в край,—эта волна нарастала в лице торговой буржуазии, склонной видеть в новой силе своего могучего союзника—в борьбе с феодальной деспотией, связывавшей руки и ноги торговому капитализму.

История завоевания Средней Азии богата многочисленными фактами такого содействия русскому

движению в Туркестан. Особенно яркий пример в доказательство этого—движение вдоль Каспийского моря. Побережье Каспийского моря, заселенное рыбаками—иомудами (одно из туркменских племен), как известно, было занято русскими войсками почти без боев. Руководителями иомудских поселков были разбогатевшие на рыбной торговле с Астраханью, с Россией—скупщики рыбы, торговцы. Они давно имели связи с Россией, давно уже были мирно завоеваны и при содействии этих купцов-рыбаков, войска продвинулись от Астрахани далеко на юг. Основан был ряд укреплений вдоль побережья—форт Александровский (на Мангышлаке), Красноводск, Чикишляр. (Характерно, насколько готова была торговая верхушка к восприятию русского владычества,—можно судить хотя-бы по тому, далеко не мелочному на Востоке факту, что иомуды очень скоро, после продвижения русских в Туркмению и установления связи с Баку, переняли русский покрой одежды. Интересно также отметить то, что известный недостаток женщин на Востоке иомудами покрывался за счет добровольных сделок по ввозу невест из Татарии). Иомудские проводники и переводчики оказывали содействие, и в дальнейшем, продвижению русских войск вглубь Туркмени. Остальные туркменские племена, текинцы в особенности, только что оседали на землю и еще вели между собой племенные и межродовые войны за обладание оазисами.

Здесь русские войска наткнулись на самое упорное сопротивление. Ахал-текинские и мервские племена впервые делали попытки объединиться под руководством одного общего хана, лишь бы отбить наступление поработителей.

Этой «торговой нетронутостью» туркменской степи также отчасти следует объяснять наиболее медленный темп захвата Туркмени, чем остальных участков Средней Азии.

И в книге тов. Галузо приводится ряд фактов добровольной сдачи русским, в среде некоторых руководителей покоряемых ханств.

Самоочевидно, что эти «пораженцы» являлись выразителями настроений именно торговой буржуазии, но тов. Галузо, приводя эти факты, не дает ни нужного объяснения, он не хочет замечать их,—отсюда и делает свои дальнейшие ошибки, к анализу которых мы и переходим.

Являлось ли исторически-прогрессивным завоевание Средней Азии русским капитализмом?

Этот вопрос является своеобразной «лакумсовой бумажкой», для испытания марксистской методологии историографа-социолога.

Как известно, на этом вопросе (беря и его в расширенном значении о прогрессивности капитализма для России) свихнулись народники. Вся сила плехановской и ленинской полемикой была обращена в те годы против реакционных «славянофильствующих» утопий «революционно» громящих капитализм народников, которые считали, что «звизы пролетариата», что мучительный процесс капитализации—минует Россию.

Как известно, на этом вопросе (беря его в расширенном значении—для всех колоний) сломал себе шею Цй Интернационал, ударившийся по почину голландской и немецкой соц.-дем. в восхваление роли капитализма для колоний даже и в эпоху империализма.

Это привело, конечно, только к безобразнейшему уродованию марксизма и насилию над марксизмом, и отбросило соц.-демократ. в лагерь империалистов,—где они образовали левый фланг колонизаторов, ряды сеп-аннекционистов, соц.-империалистов.

Вот почему и для наших исследований по Средней Азии этот вопрос является своего рода лезвием марксистского ножа, по которому следует пройти, чтобы создать подлинное марксистское представление об истории Средней Азии.

При обсуждении доклада тов. Галузо—«Периодизация национально-освободительного движения в Средней Азии»—на секции истории народов СССР первой Всесоюзной конференции историков-марк-

стов—именно этот вопрос и вызвал наиболее горячие дебаты. Тов. Галузо выдвинул следующий тезис (цитировать приходится по отчету в «Истории марксизма» т. XI. Стр. 242).

«Преодолеть свою экономическую отсталость Средняя Азия могла в данный момент только через быстрое развитие капитализма, что могло осуществиться двумя путями: путь первый,—наиболее легкий, наименее мучительный, обеспечивающий быстрое развитие капитализма—это путь сохранения самостоятельности народов Средней Азии, т.е. отсутствие колониальной эксплуатации. Второй путь,—мучительный и медленный—развитие капитализма, когда Средняя Азия «завоевывается» одной из капиталистических стран и обращается в ее колонию с вытекающими отсюда экономическими последствиями, консервированием феодализма и т. д.»

Против этого тезиса решительно выступил председательствовавший тов. Ф. Махарадзе:

«Я самым категорическим образом возражаю против этого тезиса»—заявлял тов. Махарадзе. Почему—потому, что в марксистской историографии нельзя вопрос об историческом развитии человеческого общества топить в разговорах о сантиментах, о мучительности пути и т. д. Тов. Махарадзе сказал, что подобные тезисы должны нас возвращать к давнишним спорам с народниками, которые также замышляли вопрос об исторической прогрессивной роли капитализма—воплями о мучительности капиталистического пути. Социал-демократов, стоявших на платформе марксистского понимания исторического развития человечества, народники называли «пособниками», «певцами капитализма» и т. д. И на самом деле, при ближайшей же проверке тезисов тов. Галузо показывает всю свою, несостоятельность.

Идеализация «самостоятельности» во что бы то ни стало—приводит тов. Галузо к защите реакционнейших установлений в Средней Азии, сложившихся в древние времена и ревностно сохранившихся феодальной знатью, духовенством, деспотизмом.

Утверждать, что самостоятельное развитие восточной деспотии—это наиболее легкий и наименее мучительный путь развития капитализма—совершенно невозможно.

Со всей суровостью наша марксистская историография должна откинуть попытки какой бы то ни было идеализации далекого прошлого Востока. Мы уже приводили жесткую характеристику, данную Марксом докапиталистическому прошлому Азии. Мы привели и характеристику состояния Средней Азии до включения ее в общий водоворот суровой капитализации России.

И отсюда мы должны сделать прямой вывод, что самостоятельное замкнутое положение Средней Азии, отрезанной пустынями, находящейся под деспотическим гнетом ханов и эмиров, ведущих между собой нескончаемые кровавые распри, подверженные новым нашествиям степняков,—это как раз и есть наиболее длительный и наиболее мучительный путь развития капитализма в Средней Азии.

Насколько недопустимо вопрос о прогрессивности капитализма, в сравнении с предыдущими этапами развития, замышлять рассуждениями об ужасах войн и колонизации—говорят следующие выдержки.

Карл Маркс в статье «Британское владычество в Индии»—писал:

«Английское вмешательство, перенеся прядильщиков в Ланкашир, а ткачей в Бенгалию, или смета с лица земли, как индусских прядильщиков, так и индусских ткачей,—разрушило эти маленькие полуварварские, полуцивилизованные общины, уничтожив их экономический базис, и, таким образом, произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную социальную революцию, пережитую когда либо Азией».

И дальше:

«Совершая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководилась самым грубым интересом и проявила тупость в способе ее проведения, но не в этом дело. Вопрос в том,—может ли человечество выполнить свое назначение без коренной

революции в социальном состоянии Азии? Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательно орудием истории в совершении этой революции».

«А если это так, то как бы прискорбно для нас лично не было зрелище разрушения древнего мира, с точки зрения исторической перспективы, мы можем провозгласить вместе с Гете:

Должна ли нас терзать эта мука,
Если она умножает нашу радость?
Не мириады ли человеческих душ
Уничтожило господство Тимура?

В статье — «Будущие последствия английского владычества в Индии» — Карл Маркс пишет: «Индия, таким образом, не смогла избежать участи быть завоеванной и вся ее прошлая история, если вообще о таковой может идти речь, является историей последовательных завоеваний, которым она подвергалась».

Индийское общество не имеет никакой истории, по крайней мере, известной истории. То, что мы называем его историей, есть лишь история сменявших друг друга завоевателей, основывавших свои империи на базисе этого покорного, неподвижного общества. Вопрос поэтому не в том, имела ли Англия право завоевывать Индию, а в том, предпочли ли бы мы завоевание Индии турками, персами, русскими — завоеванию ее британцами».

По ужасу войн?

И здесь истории не поможешь никакими причинами и закланиями. Вот что пишет тов. Ленин о прогрессивном значении некоторых войн: «Социалисты всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело. Но наше отношение к войне принципиально иное, чем буржуазных пафистов (сторонников и проповедников мира) и анархистов. От первых мы отличаемся тем, что понимаем неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, понимаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма»...

«И от пафистов и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности. В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т.е. приносили пользу человечеству, помогая разрушать особенно вредные и реакционные убеждения (например, самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе династии (турецкую и русскую)».

«...с 1789 года по 1871 год одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера; — другими словами, главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуже-национального гнета. Поэтому то были прогрессивные войны и все честные революционные демократы, а также социалисты при таких войнах всегда сочувствовали успеху той страны (т.т. той буржуазии), которая содействовала свержению и подрыву самых опасных устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов. Например, в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это несколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушали и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой крепостнической Европы. Во франко-прусской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотами — русским царем и Наполеоном III».*).

Такова концепция марксизма-ленинизма.

Но ведь все это относится к Европе, к ее прогрессивной буржуазии, — при чем здесь самодержав-

ная жандармская Россия, которая в интересах мирового прогресса сама должна быть сметена Европой, и, которая ничего, кроме реакции, не могла нести на своих знаменах?

Разве допустимо сравнивать колонизаторскую войну России с прогрессивно-освободительным значением революционных войн

Так воскликнет возмущенный читатель.

Но пусть он прочтет выдержку из письма Фридриха Энгельса к Марксу в 1851 году:

«Россия же наоборот, по сравнению с Востоком, прогрессивна. Русское господство со всей его пошлостью, со всей его славянской грязью было цивилизующим для Черного и Каспийского морей и для центральной Азии, для башкир и татар. Уже одно то, что русские дворянство, начиная с императора и князя Демидова, вплоть до самого живого барина 14-го класса, носящего титул простого благородия, занимается фабричным производством, спекулирует, наддувает, сдается на подкупы и обделывает всевозможные христианские и еврейские делишки, уже одно это преимущество».

Как же можно после этого, оставаясь на платформе марксизма, утверждать, что самостоятельное развитие азиатских деспотий являлось наиболее легким и желательным для нас путем? Здесь вообще уместно будет вспомнить, как Г. В. Плеханов настойчиво и зло высмеивал в «Наших разногласиях» народников, которые за историю сами придумывали особые возможные пути своеобразного развития без капитализма и затем, основываясь на этой ими самими придуманной истории, строили всю свою тактику и стратегию политического действия.

Все это «славянофильство», русских народников преломляется в виде какого-то «азиатского филства», как удачно выразился тов. Дубровский в своем докладе, в обществе историков-марксистов, «об азиатском, феодальном и крепостном способе производства».

Принципиально недопустимо воспитывать в таком азиатском направлении, потому что это есть прямое спознание с рельсов «Коммунистического манифеста», высокое научное значение которого мы должны пропагандировать среди нашей молодежи. А Коммунистический манифест вот что пишет о революционизирующем значении капитализма (это, конечно, известно наизусть каждому занимающемуся историей):

«Буржуазия сыграла в истории в высшей степени революционную роль. Повсюду, где буржуазия достигла власти, она разрушала все феодальные, патриархальные, идилические отношения».

«Быстрым улучшением всех орудий производства, бесконечным облегчением сношений, буржуазия вовлекала на путь цивилизации все народы, даже варварские».

И в беспомощное, совершенно противоречивое, двухсмысленное положение попадает историк-марксист, когда он хочет доказать реакционность капитализации Средней Азии.

Что предложил бы такой писатель трудящимся Средней Азии той эпохи, взامن совершавшейся капитализации? Какие он выдвигает положительные лозунги для периода, «когда не было ни современного империализма, ни созревших условий социализма, ни массовых социалистических партий во всех воюющих странах» (Ленин).

Точно также, как Ленин называл «издевательством над истиной», перенесение оценки Маркса — Энгельса буржуазно-прогрессивных войн на войну империалистическую, мы должны назвать и обратные действия — перенесение современных оценок, современных империалистических войн на войны тогдашнего времени.

Что же нес российский капитализм в Среднюю Азию?

Г. Сафаров пишет: «Европейский империализм не произвел... коренного переворота в способе производства, он воздвиг над существовавшей там исторически сложившейся системой феодальных и феодально-патриархальных отношений только свою собственную надстройку в виде империалистической бюрократии, коммерческой агентуры европейского

*) Ленин. т. XVIII. Изд. 2-ое. Стр. 193—4.

населения, произведя захват пустых земель и источников сырья и горючего, но не уничтожил исторически реакционной феодальной эксплуатации. Таким образом, европейский капитализм затормозил культурное и хозяйственное развитие колониальных народов и искусственно задержал разрушение реакционных форм быта и идеологии.

Г. Сафаров вынужден тут же цитировать Маркса: «Поскольку в этой части земного шара (речь всюду идет о всем колониальном Востоке. В. К-ч), капитализм не мог появиться никаким другим способом, он выполнил свою революционную роль».

«Но дело не в этом,—легко отмахивается Сафаров от Маркса (Г. Сафаров — «колониальная революция»).

Отмахнуться легко можно, но можно ли долго устоять на нсгах в борьбе против Маркса? Это сомнительно.

И мы это видим на примере того же Сафарова. Подойдя к фактам, к подлинной истории жизни, он через несколько же страниц — должен писать совершенно обратное своим прежним утверждениям:

«Приход русских в Туркестан вызвал настоящую революцию в его хозяйственных отношениях. Переломным моментом в этом отношении является постройка Закаспийской жел. дороги... и посев американского хлопка». И далее автор приводит цифры скачкообразного роста посевных площадей хлопка, цифры возникших заводов, вовлеченных рабочих и промышленной продукции.

«Колониальный захват Туркестана русскими насильственно продвинул вперед переход коренного населения от феодализма и феодально-патриархального быта к торговому капитализму» — приходит, наконец, к заключению тов. Сафаров.

— Так революция это или реакция? — спрашиваем мы.

Карл Маркс решительнейшим образом утверждал, что вмешательство Европы — это революция для Азии. Тех, кто охал по поводу крови, мучений, он спрашивал:

«Разве она (буржуазия) когда-либо осуществляла прогресс, не таща индивидуумы и народы сквозь кровь и грязь, сквозь бедствия и лишения?».

«Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, мировые сношения, основанные на взаимной зависимости частей и средств этих сношений; с другой стороны, — развитие производительных сил человека и превращение материального производства, осуществляемое при помощи науки, в господство над силами природы. Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира, таким же образом, как геологические революции создали поверхность земли. Лишь после того, как великая социальная революция овладеет результатами буржуазной эпохи — мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее прогрессивных народов — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному идулу, который хотел пить нектар из черепов убитых» *).

К. Маркс вот в чем видел революционизирующую роль и задачу в Индии:

«Англия предостит выполнить в Индии двойную миссию: разрушительную и созидательную. С одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой — заложить материальный фундамент западного общественного строя в Азии».

«Страницы истории Британского господства в Индии вряд ли говорят о чем-либо, кроме работы разрушения; созидательная работа англичан едва видна сквозь груды развалин. Тем не менее эта созидательная работа началась».

В каком же направлении шла созидательная работа, игравшая, по мнению К. Маркса, положительную роль для будущего трудящегося Индии?

«Политическое единство Индии, более консолидированное и пространственно расширенное больше, чем когда-либо при монголах, было первой пред-

посылкой ее возрождения, это единство, установленное английским мечем будет теперь упрочено и увековечено телеграфом».

«...шар установил регулярное и быстрое сообщение между Индией и Европой, связал все главные порты Индии со всеми портами юго-восточного океана и, таким образом, вывел Индию из того изолированного положения, которое было главной основой ее неподвижности...».

«...Теперь же дела приняли другой оборот, промышленная алгархия открыла, что ее жизненные интересы требуют превращения Индии в производящую страну и, что для этой цели необходимо прежде всего снабдить ее ирригационными сооружениями и внутренними путями сообщения».

«Промышленники намерены покрыть Индию сетью железных дорог и они это сделают. Это должно дать неосциемые результаты».

«Известно, что производительные силы Индии парализованы, вследствие крайнего недостатка в средствах для перевозок и обмена ее разнообразных продуктов. Нигде больше, чем в Индии, мы не встречаем социальной нужды среди природного богатства — нужды, обусловленной отсутствием обмена» *).

Но применимо ли все это для Средней Азии?

Да, вполне применимо.

Если Карл Маркс, писавший свои статьи в 1853 г., указывал на ускорение развития Индии, то колонизация Средней Азии, только что начавшаяся в эти годы и закончившаяся последними военными стычками, уже в 1885 г. — должна была показывать еще более быстрые темпы.

И действительно, — Закаспийская жел. дорога строилась буквально по пятам наступающей армии, строили ее особые военные жел. дор. батальоны.

В 1885 г. был еще бой под Кушкой, а в 1886 году жел. дор. участок был доведен от Красноводска (Каспийское море) до Чарджуя (на Аму-Дарье), т.е. пересекла уже один из труднейших участков — Кара-Кумские пески. Через два года был сооружен Самаркандский участок и в 1899 г. было открыто сообщение с Ташкентом. И вскоре Средняя Азия сомкнулась с Россией через Оренбург.

Это перевернуло всю жизнь Средней Азии. «Дремлющий Восток», остался только в экзотических сказках, да старых стихах, а жизнь показала необычайные темпы именно на Востоке.

В 1884 г. американского хлопка было посеяно в Средней Азии только 300 десятин. В 1896 г. уже 12.690 десятин. В 1890 г. — 58.839 десятин и в 1909 г. из Средней Азии вывезено хлопка 11.883,596 пудов (цифры взяты из книги Сафарова).

Тот же автор приводит еще и следующие цифры: к 1912 году в Туркестане было 387 заводов и фабрик с числом рабочих 20.925 человек и с продукцией в 78.513,3 тыс. руб.

М. Цвибак говорит в своем докладе «Классовая борьба в Туркестане», прочитанном в Обществе историков-марксистов в январе 1929 г.: — «Характерно, что концентрация в области хлопкоочистительной промышленности, была выше в Средней Азии, чем в Соединенных Штатах. Мы имеем в 1911 году 81 проц. предприятий, имеющих более 4 джинов, в то время, как в САСШ имеется только 24 проц. предприятий более 3 джинов».

«...Теперь о товарности. Возьмем такой показатель товарности, как бюджет. Уже в 1890 году бюджет дехканского хлопкоробного хозяйства доходил в своей доходной части до 320 руб., а в 1910 году до 448 рублей» **).

Мы совершенно согласны с Н. А. Рожковым, что «...нет никаких оснований идеализировать колониальную политику даже культурно-капиталистических стран: везде и всегда колонии являются последним убежищем грубо хищнических приемов эксплуатации и источником самой бешеной и беззастенчивой наживы. Но то, что совершалось у нас на Дальнем Востоке, на Кавказе, в особенности же в Средней Азии, было несравненно грубее, элементарнее и распушен-

*) К. Маркс «Будущие последствия английского владычества в Индии». Лет. Маркс. Том III. стр. 52.

**) «Историк-Марксист», т. XI. стр. 131.

нее, чем где бы то ни было. Тем более, что безгласность и абсолютизм совершенно исключали возможность даже таких частичных разоблачений, какие осуществлялись и реально встречаются в буржуазно-капиталистических странах. Недаром Щедрин, для обозначения всякого грубого, хищнического, пустлякryлатого словцо «Ташкентцы».

Но наша задача уяснить те социально-экономические результаты, которые получила Средняя Азия после переворота, а не описание тех мучительных путей, которыми достигнуты они. И здесь еще раз можно сказать словами К. Маркса: «Разве буржуазия когда-либо осуществляла прогресс, не таща индивидумы и народы сквозь кровь и грязь, сквозь бедствия и лишения?». Можно вспомнить, что прodelывал капитализм и внутри каждого из своих отечеств. Разве не описан подробно процесс пожирания английских крестьян овцами капиталистов? Разве менее мучителен процесс создания наших отечественных Колупаевых, Разуваевых, Артамоновых, внутри Рязанских, Нижегородских и проч. губерний?

«Дело не в оправдании капитализма», как-то сказал Плеханов в борьбе с народниками, призывая познать процессы, силы и слабости капитала.

Итак, на основе всего предыдущего разбора мы должны сделать тот бесспорный вывод, что завоевание Средней Азии российским капитализмом оказалось исторически прогрессивным фактором для трудящихся Средней Азии, что оно явилось могущественным помощником народившемуся местному торговому капитализму, стремившемуся сломать остатки феодальной ограниченности, тормозивших развитие Средней Азии. (Такая точка зрения не мною впервые высказывается. Еще в 1927 году тов. Л. Резцов поместил статью — «К вопросу о роли русского капитализма в Туркестане» — в № 6 журнала «Коммунистическая мысль», который издавался Средне-Азиатским Коммунистическим Университетом. Эту статью обошли молчанием).

Но если бы мы на этом поставили точку в деле описания капитализации Средней Азии российским капиталом, то мы совершили бы грубейшую политическую и теоретическую ошибку.

Марксистская диалектика учит рассматривать каждое событие в его движении, знаменующем его вечное изменение и трансформацию. То, что еще совсем недавно ломало застойные мысли, освобождало прогрессивные и двигало жизнь вперед, может вскоре же само превратиться в оковы для освобожденных им же прогрессивных сил и превратиться в тормоз дальнейшего развития. Так случилось со всем капитализмом в целом.

«Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль», но «оружие, которым буржуазия на смерть поразила феодализм, направляется теперь против самой буржуазии» (К. Манифест).

Наступает эпоха империализма, когда (между прочим) «закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» (Ленин).

И Ленин пишет: «монополия, олигархия, стремление к господству, вместо стремления к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его, как паразитический или загнивающий капитализм».

В XX-м веке изменились самые качественные стороны капитализма:

«Свободу конкуренции сменяет монополия» — в этом видит Ленин изменение экономической сущности капитализма на его империалистической ступени.

Происходят качественные изменения и во всей политической надстройке:

«Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом... является поворот от демократии к политической реакции».

Свободной конкуренции соответствует демократия.

Монополии соответствует политическая реакция». Такие коренные изменения произошли в лагере капиталистического мира.

Сказалась ли как-нибудь новая ступень капитализма на колониях?

Конечно! И там революционизирующее значение европейского капитализма закончилось, колонизация становится удающими оковами для развития.

Возьмем несколько наиболее характерных черточек из практики Туркестана.

Ка кформулировала сама русская колонизаторская власть последнего периода свою целевую установку в эксплуатации Туркестана? — Сенатор граф К. Пален, производивший ревизию Туркестана «по высочайшему повелению» пишет: (цитирую по книге Сафарова):

«Туркестан для русского правительства представляет двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой политики, как источник государственных доходов, и как новый рынок внутреннего производства, и 2) с точки зрения колонизационной политики, как новый объект переселения избытков населения центральных губерний».

Но за несколько десятилетий преобразующего господства России в Средней Азии, там быстро возросла та самая торговая буржуазия, которая была совершенно беспомощна в борьбе с азиатским феодализмом, и, которой помогла стать на ноги сокрушающая сила капиталистической России.

По отношению к Индии К. Маркс писал, что «маленькие стереотипные формы социального организма в большей своей части разрушены и исчезли с поверхности Индии не столько благодаря brutальному вмешательству британских сборщиков полатей и британских солдат, сколько благодаря действию английских паровых машин и английской свободы торговли».

Точно также капитализм делал свое дело и в Средней Азии. «Паровые машины» железных дорог, хлопковых заводов, водокачек на хлопковых плантациях, свобода торговли — поили и вскармливали новый растущий класс.

И местному капитализму уже совсем было не сподручно, что Туркестан являлся «источником государственных доходов России». Местная торговля и назревающая промышленная буржуазия совсем уже не прочь были дело повернуть так, чтобы эти доходы шли в карман Туркестана, а не царской казны. Точно также непрорисованным ни для туркестанской местной буржуазии, ни тем более для дехканства явилось заселение «пустующих», а пернее — «отнимаемых земель», излишками населения русских центральных губерний. Наконец, и, многое, искусственно сохраняемое царизмом из остатков феодального быта и уклада, шло в противоречие с интересами растущей буржуазии. Многие наши товарищи чрезмерно преувеличивают эти остатки феодальщины и патриархальщины: сохранение бухарского эмира, хивинского хана и проч. бутафории докапиталистического порядка. На самом деле это все уже с некоторых пор стало всеми создаваемой декорацией — «паровые машины» и «свобода торговли», железная дорога — давно уже рсшатали почву под этими фигурами. Настоящим вершителем жизни стал давно уже «чуждый» просвещающийся торговец-горожанин.

Так вот эти новые элементы все больше ощущали урезку своих самых жизненных интересов.

И размаху, полету кался предел.

И уже настоящие, глухо-запаянные оковы были наброшены на трудовые массы. Быстрая дифференциация аула тысячами выбрасывала с земли пролетаризирующихся дехкан.

Росла кабала чайриктерства, испольщины, сжимались тиски ростовщического кредита и крайне высокопроцентной ссуды хлопкоробам.

Парцелярность земельных участков душила сотни тысяч бедняцких и полусредняцких хозяйств. На сколько изменилось положение дехканства, когда на сцене появился во весь рост финансовый капитал, банковской паутиной опутавший хлопководческие районы, можно увидеть из следующих характерных двух цифр: «с 1890 года до 1910 года доходность дехканского хозяйства изменилась со 111 рублей до 100 рублей. — Разница между расходами и приходным бюджетом (М. Цвибак. «Классовая борьба в Туркестане»).

Хлопководческое хозяйство — исключительно интенсивное и трудоемкое хозяйство и все же аул по-

ставлял в город тысячи незанятых дехкан. Но ряд предприятий, вся железная дорога имели запрещение найма и использование рабочей силы из местного населения: империалистическая буржуазия боялась плодотворно и размножать своего конечного и победоносного могилщика.

Но эти могилщики росли.

Империализм сковывал развитие производительных сил в своих колониях. Империализм душил малейшее поползновение к свободе, демократии.

Но в закрытом сосуде всегда накапливается пар могучей силы...

Такова картина последней стадии капитализма.

Вот этого принципиального отличия в природе изменившегося капитализма «не заметили» или сознательно не захотели заметить социал-демократы — герои II Интернационала.

Они продолжали и продолжают долбить «о прогрессивном значении европейского капитализма в колониях». Они благословили и благословляют до сих пор империалистические ограбления малых народов. Они выдвинули теорию о необходимости «социалистической колониальной политики». Со ступеньки на ступеньку скатывались герои немецкой, голландской соц.-демократии, пока не докатились до прямых пособников империализма «Социал-анексционисты», «социал-империалисты» — вполне заслуженное имя этих «социалистов».

Таким образом, в современных теориях соц.-демократов марксизм возмутительнейшим образом извращен, изуродован. И можно сказать, что никто так ожесточенно не ведет теперь борьбу с марксизмом, как соц.-демократия, вырядившаяся в маску «марксистской» фразеологии. Также, как эти «последователи» марксистского «Коммунистического Манифеста» теперь превратились в наиболее фашизированных преследователей коммунистических первомайских демонстраций, — точно также эти «интернационалисты» помогают остервенелым империалистам угнетать малые нации.

Вот почему VI Всемирный конгресс Коминтерна всю силу своего удара направил в резолюции по колониализму и национальному вопросу против соц.-реформистов и их вольных или невольных пособников.

Комментируя эту резолюцию, тов. Л. Мадьяр в журнале «Коммунистическая революция» разъясняет, что в резолюции не идет речь о признании вообще прогрессивности капитализации колоний (было бы такой несправедливостью и полным забвением марксизма утверждать обратное), речь идет об империалистической стадии развития капитализма.

VI конгресс заявляет, что только приняв во внимание империалистическую стадию развития капитализма можно понять конечные результаты колониальной политики капитала:

«вопреки гнусной лжи империалистов и их реформистских лакеев (Макдональд, Отто-Бауэр и К-о), утверждающих, что империализм «воспитывает» отстающие народы для благосостояния прогресса и культуры», переход к эпохе монополистического капитализма нисколько не облегчит гнета, тяготеющего над многомиллионными массами человечества колониальных стран. «... Вся экономическая политика капитализма по отношению к колониям направляется стремлением сохранить и усилить их зависимость, усугубить эксплуатацию и возможно больше задержать их самостоятельное развитие.

«... Все это неминуемо ведет к тому, что давление империализма на колониальные и полуколониальные страны воспроизводит каждый раз на более высокой ступени и вызывает все более сильное противодействие со стороны социально-экономических факторов, порожденных самим империализмом. Постоянное торможение самостоятельного развития все более углубляет антагонизм колониальных народов по отношению к империализму и приводит к революционным кризисам, движениям, бойкотам, национально-революционным восстаниям и т. д.»

Как же развивалось революционное движение в Средней Азии

Теперь, когда мы разобрали вопрос, что нес с собой капитализм в Среднюю Азию, как он развивался внутри ее и во что вылилась колониальная политика

в эпоху империализма, нам легко понять, — как же развивалось национально-освободительное движение в Средней Азии? И в этом вопросе важно прежде всего понять внутренние задачи и внутренние классовые группировки Средней Азии в каждый рассматриваемый период.

В зависимости от того, как мы сумеем понять динамику социально-экономического развития, мы сумеем правильно или неправильно понять различные периоды национально-революционного движения в Средней Азии.

К 25-летию 2-го Съезда РСДРП в «Правде Востока» помещена была статья тов. Галузо — «Два этапа национально-освободительного движения в Средней Азии». (Она являлась изложением тезисов его будущего доклада на первой Всесоюзной Конференции историков-марксистов).

Какие же «два этапа» усматривает тов. Галузо в революционном движении? — Первый этап — это борьба до 1916 года, и второй — после 1916 года.

Что же подразумевает тов. Галузо под термином «национально-освободительное революционное движение». Вот здесь то и проявляется большая и крайне вредная политическая путаница.

У тов. Галузо одно единственное стремление — как можно раньше начать родословную революционного движения в Средней Азии, и отсюда у него валится в одну общую кучу «национально-революционной борьбы» все и самые отъявлено-реакционные движения — и революционного порядка, просто разбойные нападения, и зачатки крестьянского движения и пан-исламистские лозунги и т. д.

«Отстоять самостоятельность более основной революционной задачей, стоявшей перед национальным движением в эпоху завоевания, за это и шла борьба, начиная с 20 годов 19 века» — пишет тов. Галузо в своей книге — «Туркестан-колония», — повторяя свои тезисы.

Но было ли это действительно революционной задачей времени? Ведь в этом то и заключается весь смысл.

Что означает «отстоять самостоятельность»? Не означает ли это — «сохранить в неприкосновенном виде разрозненность восточных деспотий»?

Не означает ли это «сохранение феодальных отношений в экономике»? Не означает ли это «консервация притупляющих норм застойного революционного быта»? Да, — именно это все и означало борьбу за самостоятельность.

Не является ли тогда эта борьба «обороной реакции»? Конечно — да!

Самая оголтелая реакция ханов, эмиров, беков и духовенства была кровно заинтересована «в сохранении самостоятельности». И **оборонцами** были или сознательные приспешники феодализма или невольные пособники реакции — фанатично настроенные муллами и ишанами толпы.

Не являлось ли в то время для Средней Азии истинно революционной задачей свержение разрозненных деспотий Восточных ханств, ликвидация или хотя бы разрушительный подрыв устоев феодализма?

На этот вопрос мы должны категорически ответить утвердительно.

И поэтому тогдашних «средне-азиатских пораженцев» мы должны считать носителями революционных задач эпохи.

Утверждающие обратное исходят из совершенно неверных аналогий с другими участками колонизаторского движения России. Если Россия военным сапогом давила хозяйственно-высокоразвитую Польшу, шедшую уже к конституции — это было реакционным наступлением. И там сохранение самостоятельности означало сохранение прогрессивных форм против реакции. Там «пораженчество» было поистине предательством революционных задач времени. Но никак нельзя идеализировать самостоятельность везде и всегда, превращая этот лозунг в некий фетиш.

Разберемся же в тех фактах, которые приводит и сам тов. Галузо.

Основные моменты этой борьбы следующие: восстание киргиз-казакского султана Кенисары Касымова в конце 30-х и в 1-й половине 40-х годов, сродное ему по типу восстание Джангуджи, Нурмухамедова на Сыр-Дарье в 1856 году, Самаркандская обо-

рона 1868 года и связанное с ним движение в Бухаре и в Шахризийском бекстве бухарского ханства, бунт мангышлакских киргиз в 1870 году, восстание, вернее попытка восстания в Сыр-Дарьинской области во главе с ишаном Иш-Магометом в 1871 году; революция в Коканде в 1875—1876 г. и, наконец, последний отблеск этой революции — восстание Итым-Хана в Фергане в 1878 году».

Дальше тов. Галузо приводит еще ряд подобных же движений: «Восстание в Фергане 1885 года, восстание в Ташкенте 1892 года и андижанское восстание 1898 года, разбойные нападения с 1887 по 1898 год в Фергане, Самаркандской и Сыр-Дарьинской областях».

Какие же лозунги выставлялись в этих движениях? Кто возглавлял эти движения? — Ханы, эмиры, ишаны — вот главари, вдохновители и идеологи восстаний.

Под какими же лозунгами выступали они в этих движениях?

«Это неприкрытая ничем защита реакции, открытый призыв «назад!». Ни одно из этих движений не ставило себе задачей ликвидацию политической раздробленности Туркестана, каждый хан, каждый бай выступал с защитой своих границ, приманкой для фанатизированных масс, выставляя религиозные требования. Вот наиболее характерные примеры.

Какова программа султана Кенисары, выступавшего в 1830—40 г.г.? — «Назад к положению при Аблай Хане, бывшем в XVIII веке». Могло ли осуществиться это требование? — нет! Жизнь за полстолетие шагнула вперед. Часть казакского населения, пришедшая в непосредственное соприкосновение с капитализирующим влиянием России, уже ломала свой древний уклад жизни. Уже один из казакских ханов, Вели хан, фактически состоял на службе у русских, уже новые веяния шли на киргизскую степь. И все долготелые попытки Кенисары повернуть историю вспять — не увенчались никаким успехом.

Вот программа кокандской «революции» в 1875—76 г.г., как называет т. Галузо это движение против «пораженческой» политики, восторжествовавшей в Кокандском ханстве после длительной борьбы, — «По божьей воле вот уже 12 лет, как проклятые русские завладели мусульманскими городами: Ташкентом, Ура-Тюбой, Самаркандом; потушили свечу религии и сделали ущерб нашей вере. Поэтому мы, весь мусульманский народ, просим нашего хана, чтобы он начал священную войну; но он, заблудившись от истины, по неверной дороге (буквально) вел дружбу с русскими, делал много подарков, от белого царя получил титул светлейшего хана, обобластился своей страстью, не принимал наших просьб и советов, отдался белому царю, отвратил свое лицо от страны мусульман, для своей пользы вцепился за полы неверного царя и, наконец, ушел от нас. После этого мы, все духовные лица, ученые, эмиры и жители, собравшись вместе, с общего согласия, уничтожили все противозаконные дела, старшего сына, прежнего нашего хана Сеид-Мухамед-Насыр-Эдинбека в добрый час возвели на ханский трон. Признали его нашим верховным правителем, ради всемогущего бога и его великого грохота и священной войны мы оцепялись крепко».

И этот дворцовый переворот, совершенный реакционнейшими силами ханства — духовенством, «учеными», эмирами — называется революцией?!

Вот еще примеры, приводимые тов. Галузо: «в связи с андижанским восстанием 1898 года в Средней Азии появилось несколько религиозных прокламаций к населению. Вот первая. Найдена в Чимкентском уезде в 1898 году, в ней сначала обещаются бесчисленные «кары» правверным от бога за их беззаконие, а затем вскрывается и суть этих беззаконий:

«...это произошло от несоблюдения молитвы и ее форм, от несправедливости царей, оттого, что богачи не делают пожертвований, от того, что ученые идут против учения, сыновья не слушают родителей, жены ослушаются мужа и не закрывают лицо, от того, что торговцы покупают товары на весах тяжелыми камнями, а продают на легких камнях, от того, что не стали бояться подмогильных страданий, волосного моста и страха божьего».

Разве непонятно, где здесь революция и где реакция?

А вот лозунги самого крупного восстания и, по мнению тов. Галузо, наиболее показательного, как революционного — восстание Мин-Тюбинского ишана Ички-Ишан-Магомета-Али-Халифа. Вот что он отвечает на вопрос следователя о причинах, побудивших его к восстанию: 1) «Что после завоевания края русскими, в народе началась порча нравов, 2) отступление от требований шариата, 3) русская власть хотя и обращалась с народом мягко, но запрещала паломничество, 4) отменила «языкет», 5) лишила вакуфных законов, 6) не заботилась о поддержании нравственности и семейных начал».

С каких это пор мы разучились различать революционные дела и лозунги, всегда ведущие вперед, от лозунгов и дел реакции, тащивших всегда назад.

Как бы много тысяч самых настоящих трудящихся крестьян ни участвовали в движении, допустим, «староверов», шедших на самосожжение, на бегство в леса, на борьбу с царской полицией — мы никогда не называли протопопа Аббакума или Никиту Пустосвята идеологом революционного народного движения (хотя м. б. эти расколы и содействовали разрушению царизма в России). Никогда не считались революционными движениями и движения, возглавляемые патриархом, дворянской знатью в петровские времена, хотя может быть и много тысяч трудового люда собрали бы они под свои знамена и хотя избрали бы они сына Петра-Алексея — царем и отменили бы все «противозаконные дела» реформ петровского времени, времени воинствующего, расцветающего торгового капитализма.

А по отношению к Средней Азии, очевидно, все мерки измениются, и здесь из какого-то «азиатского филлиства» всякое движение немедленно наименуют национально-революционным и не постесняются сделать даже такой вывод:

«И «газават» (лозунг религиозной священной войны. В. К—), как лозунг, в эпоху революций 1868—75, 76 г.г. был подлинным лозунгом революции» (П. Галузо «Туркестан-колонии», стр. 40).

И этакий вывод преподносят, как откровение по случаю 25-летия 11-го съезда РСДРП!

Насквозь научная наша большевистская партия не может принять такого «подарка».

Родословную революции в Средней Азии нельзя вести с «газавата».

Газават и в те времена был лозунгом реакции, за ним скрывались и скрываются до сих пор силы реакции. Не революция ведет свою родословную от газаватов 1868—76 г.г., а прямая контр-революция.

Те классовые силы, которые выступали тогда под этим лозунгом, хотя и в жалких остатках, но дожили и до наших времен.

Эти «газаватисты» были фанатичными «оборонцами» в эпоху завоеваний, обороняя реакцию феодализма. Газаватисты составили кадры пан-исламистов, когда на сцену уже вышли передовые силы национальной буржуазии в лице джадидов. И тогда, снова обороняя реакцию, панисламисты громили новометодные школы джадидов, боролись с самими робкими реформами орфографии, восставали против «европеизации» в культуре и в быту.

«Газаватисты» составили кадры реакционнейших «улемистов» после революции 1917 года и готовы были заключить союз с самим чортом (в Ташкентскую думу избрали старого колонизатора Лыкошина), лишь бы не дать победы прогрессивным элементам национальной буржуазии.

«Газаватисты» после Октября и посейчас убивают женщин, снявших паранджу, убивают безбожников (недавнее убийство в Узбекистане писателя Хаким-Заде), убивают комсомольцев, партийных и советских работников.

«Газаватисты» начали и продолжают вдохновлять басмаческое движение в Фергане и Ташаузе, теперь в Таджикистане, перебросив свой штаб во главе с бывшим эмиром Бухарским в Афганистан, где главным их шефом состоял Баче-Сакао, повторявший лозунги туркестанских оборонцев 1868—76 г.г.: «Аманнулла Хан по неверной дороге вел дружбу с неверными, обобластился своей страстью, не принимал просьб и советов духовенства»...

Здесь уместно напомнить тов. Галузо спор тов. П. Туркестанского с тов. Файзулой Ходжаевым. Последний сделал было неверную установку, поведа ро-

дословную бухарской коммунистической партии от джадидов. Точно также принципиально недопустимо начинать дословную революционного движения в Средней Азии с реакционных движений ишанов, ханов, эмиров. Поскольку это несоответствует нашему партийному пониманию истории революционных движений, можно судить только по маленькой справке.

Ленин в статье — «О каррикатуре над марксизмом» — в 1916 г. напоминает тезис партии о различных ступенях национального развития стран к моменту империалистической войны: «Первый тип — те передовые страны Европы (и Америка), где национальное движение — прошлое. Второй тип — Восток Европы, где оно настоящее. Третий — полуколонии и колонии, где оно в значительной степени — будущее».

Это писалось в 1916 году, а тов. Галузю пытается утверждать, что для Средней Азии подлинно национальное (а не феодально-ограниченное отдельными мелкими хозяйствами) движение было настоящим уже с 1820 годов и активно себя проявляло в 1868—76 гг.

Нет! — должны утверждать мы — тогда это национальное движение, носителем которого была зарождавшаяся торговая буржуазия, только что назревало в недрах средне-азиатских наций и могло себя проявить только как пассивная сила «пораженческого» направления.

Когда же началась подлинная история национально-революционного движения Средней Азии?

Началом этого движения следует считать период непосредственно после 1905 года.

Г. Сафаров пишет в «Колониальной революции»: «В мусульманских кругах в 1905 году начинается национально-культурное движение. Уже в конце XIX века в Туркестане появляется крымская газета «Тарджуман» («Переводчик»), ратующая за культурное обновление. В 1905 году и после 1905 года начинает выходить ряд местных газет: «Тарахки» («Прогресс»), под редакцией Габитова (выходила меньше года); «Хурити» («Солнце»), под редакцией Мунаввор-Карии; журнал «Айла» («Зеркало»), издававшийся поэтом Бек-Буди (1912 г.); «Сэди-Туркестан» — Убайдуллы Ходжаева; демократическая газета «Юрт» («Страна»), выпустившая в Коканде всего два номера».

Мусульманская интеллигенция в лице джадидов... выступает с требованием реформы школы, введения новой орфографии, изгнания арабской и древне-греческой схоластики из преподавания и развития национальной культуры. Ей приходится вести жестокую борьбу с улемой, с мусульманскими книжниками из духовенства, которые объявляют новое движение «изменой исламу», «безбожной европеизацией» и нарушением религиозного закона «шариата» (т.-е. мы видим только что описанную картину выступлений газаватистов, упорно продолжающих защиту реакции от всяких колебаний, зовущей вперед жизни. В. К.—ч).

Тов. Галузю считает джадидов движением легкой и средней промышленности буржуазии. Это не совсем верно: развившаяся, расцветшая торговая буржуазия питала зарождение этого джададизма. Нет сомнения, что значительная часть торговой буржуазии перешла и к улемистам, но основное, воинствующее и осознавшее свои классовые интересы ядро, двигалось вперед, восприняло джадидское движение, начавшееся в Татарии, Крыму и на Кавказе. Зарождаясь промышленная буржуазия не смогла и не успела создать никакого самостоятельного движения. Она прикинула и влилась в джадидское движение, оплодотворив его еще несколькими новыми лозунгами, общий смысл которых: «демократия и капитализм по западным образцам».

Как шло дальнейшее развитие этого движения? — оно, превратившись в законченное буржуазно-националистическое движение, привело Туркестан к Кокандской автономии, а после поражения этой автономии, развившейся октябрьской революцией, — джадиды, теперь буржуазные национал-демократы и шовинисты, частью эмигрировали за границу, и там Мустафа Чокаев вдохновляется в журнале «Ене-Туркестан» («Новый Туркестан»), ратует за откол Туркестана от СССР, за демократическую буржуазную республику. В Туркменистане это движение привело в 1918 году к английской интервенции, которой содействовали туркменские джадиды, национал-шовинисты, буржуазные демократы. Внутри Средней Азии и

сейчас живы элементы этого национал-демократизма, питающего правый уклон и в рядах нашей партии, где лозунги вытекают — «из чрезмерного преклонения перед местными национальными особенностями» (Сталин).

Таково второе русло национального движения в Средней Азии. Вначале оно было национально-революционным, зовущим к прогрессу, а с момента перерастания революции в Туркестане из буржуазно-демократической в пролетарско-социалистическую, это движение стало реакционным, контр-революционным.

Наконец, третье русло — это движение крестьянское. Зарождение его можно видеть уже и в конце XIX века, с 1905 года оно дает значительное повышение — но высшей точки оно достигает в 1916 году. С этого момента можно сказать, что это крестьянское движение, движение крестьянской бедноты, готовит почву для восприятия дехканской беднотой Октябрьской революции. Из деятелей восстания 1916 года мы получили в Туркестане первых деятелей революционного послеоктябрьского строительства. Из мобилизованных в 1916 году местных дехкан-бедняков, мы получили первых бойцов Красной гвардии и Красной армии в Туркестане.

Четвертое русло — революционное движение европейского пролетариата. Слабым местом этого движения была обособленность его от процессов, происходящих в гуще местного коренного населения. Полный недоучет национального вопроса был слабейшим мостом рабочего движения Туркестана до самых сктябрьских дней и даже в первые годы после Октября. Но подробный разбор этого движения не входит в задачу настоящей работы.

К. Маркс, указывая на то, что английский владчество готовит в Индии материальные предпосылки для осуществления 2-х задач «освобождения индусского народа и улучшения социального положения этих масс», пишет: «Индусы не пожнут плодов новых элементов в обществе, рассеянных среди них британской буржуазией, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индусы не станут достаточно сильными, чтобы окончательно сбросить с себя английский ярмо».

Так произошло и в Туркестане, где народные массы не смогли воспользоваться плодами шагнувшего вперед Туркестана, пока в России не был сброшен царь и основа царизма — колонизаторская буржуазия. Но когда исчезло ярмо капиталистического класса в России, в Туркестане разгорелась ожесточенная борьба за овладение миллионными крестьянскими массами. Кто овладел этими массами — тот и повернул историю Средней Азии по новому руслу.

Могли ли овладеть этими массами старые «печальники» за поруганную веру и разложение правых — «газаватистов»? — Нет! Масса не пошла за остатками ханов, эмиров, за ишанами (хотя и не мало трудового люда погибло под знаменами басмачества) — ничего, кроме жесточайшей кабалы и реакции, не сулили эти «вожди».

Могла ли национальная буржуазия завладеть дехканством? — Тоже не могла (хотя и не мало пошло защищать Кокандскую автономию, английскую интервенцию) — ничего, кроме кабалы, кроме ростовщического прессы не могла принести дехканству диктатура национального капитализма.

Дехканство, после многих кровавых уроков, пошло за рабочим движением, за советской властью.

И диктатура рабочего класса сумела за несколько лет осуществить то, что потребовало бы новых 10-летних или даже 100-летних «самостоятельного» развития.

Завершением революционно-устроительного процесса в Средней Азии следует считать 1924 год, год национально-государственного размежевания, когда из насильственно-разделенных национальностей, из насильственно спрессованных в одну политическую единицу — Туркестан — были созданы республики по признаку национальному.

Вот как оценивает тов. Сталин этот заключительный процесс революционной борьбы в Туркестане:

«Я думаю, что образцом, приближения к массам можно было бы считать законченное недавно национальное размежевание в Туркестане. Буржуазная

пресса усматривает в этом размежевании «большевистскую хитрость». Между тем, ясно, что тут проявилась не «хитрость», а глубочайшее стремление народных масс Туркменистана и Узбекистана иметь свои собственные органы власти, понятные и близкие им. В эпоху дореволюционную, обе эти страны были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций «власть имущих». Теперь настал момент, когда появилась возможность **воссоединить** эти разорванные куски в независимые государства для того, чтобы сблизить и спаять трудящиеся массы Узбекистана и Туркменистана с органами власти. Размежевание Туркестана есть, прежде всего, **воссоединение** разорванных частей этих стран в независимые государства. Если эти государства пожелали потом вступить в Советский Союз, в качестве равноправных его членов, то это говорит лишь о том, что большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс Востока, а Советский Союз является единственным в мире добровольным объединением трудящихся масс различных национальностей. Для того, чтобы воссоединить Польшу, буржуазии потребовался целый ряд войн. А для того, чтобы воссоединить Туркменистан и Узбекистан, коммунистам потребовалось лишь несколько месяцев разъяснительной пропаганды.

Так повернулась судьба народов Средней Азии после Октябрьской революции.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ТЕЗИСЫ.

1) В малочисленной марксистской историографической литературе по Средней Азии допущено много ошибок в виду того, что исторический процесс описывался при наблюдении «сверху вниз». Необходимо взглянуть на этот процесс «снизу вверх», с точки зрения тех назревших внутри самой Средней Азии сдвигов, которыми сопровождались события;

2) с исключительной пристальностью необходимо изучить эпоху завоевания Средней Азии российским капитализмом, ибо к аналогичной эпохе для Индии К. Маркс применил выражение: «английское вмешательство»... произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную **социальную** революцию, пережитую когда-либо Азией;

3) древняя и средняя история Средней Азии — это «есть лишь история сменявших друг друга завоевателей, основывавших свои империи на базисе этого покорного и неподвижного общества» (К. Маркс — об Индии). Застойность в развитии социально-экономических форм на Востоке К. Маркс видел «в отсутствии частной собственности на землю». Скованные формы замедления в Средней Азии также предопределяли социальную застойность до самого последнего периода новейшей истории;

4) новая история Средней Азии («Узбекский период», так как последними завоевателями территории

Средней Азии были узбеки) — это история опустошительных междоусобных войн удельных феодалов. Попытки к «собираю земли» привели только к созданию укрупненных, но отдельных 3-х ханств — бухарского, хивинского и кокандского, оставшихся под беспрерывными угрозами наседавших степняков — туркмен, калмыков, киргизов;

5) «расцвет торгового капитализма в Средней Азии, призванного к ликвидации феодализма, совпал с наступательным движением торгово-промышленной буржуазии России на Туркестан. Торговая буржуазия Туркестана занимает «пораженческую» позицию по отношению к своим ханствам и существенно содействует военному продвижению российского капитализма в Средней Азии. Завоевание Россией Средней Азии не было одновременным и одноактным явлением, длилось многие десятилетия и сумело вызвать содействующую встречную волну со стороны торговых элементов, заинтересованных в увеличении своих доходов;

6) лозунги «газавата», защиты Ислама были лозунгами обороны феодальной реакции. Летоисчисление революционного движения Средней Азии ни в коем случае нельзя начинать с обороны Восточных деспотических ханств Коканда, Бухары, Хивы. Объявлять «газават» лозунгом революции — политически вредно и недопустимо;

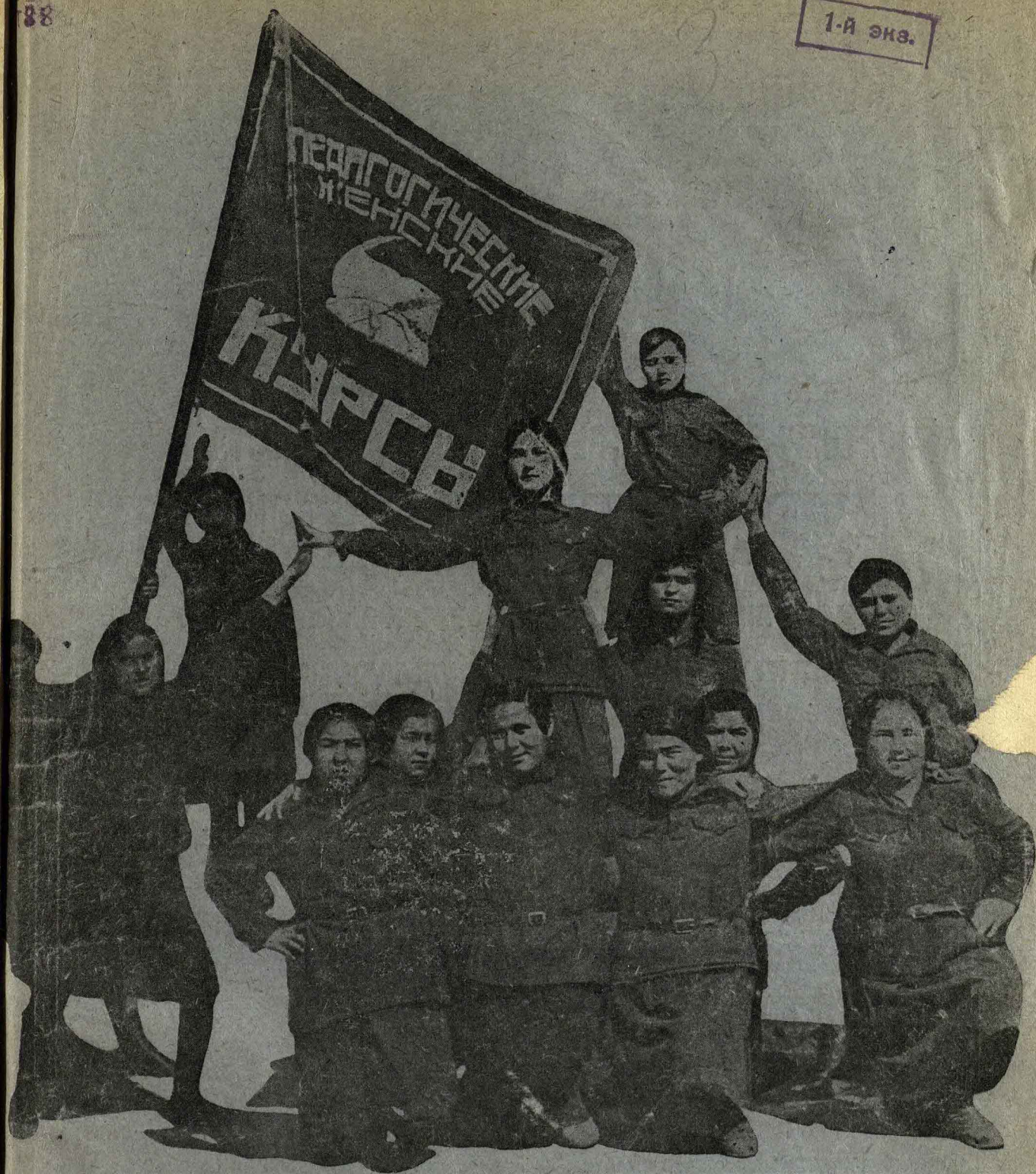
7) национально-освободительное движение в Туркестане начинается после 1905 года, выливаясь в форму джадидизма. В 1917-1918 гг. «прогрессисты» становятся буржуазно-национальными демократами, ведя страну к Кокандской автономии и английской интервенции. В настоящее время, пытаясь эмигрантским своим штабом, они делают ставку на откол Средней Азии от СССР, превратившись, таким образом, в реакционное, контр-революционное движение;

8) крестьянское движение, зарождавшееся в конце XIX века, развивается после 1905 г. и выливается в форму восстания 1916 года. Это подготавливает почву к восприятию туркестанским дехканством Октябрьской смуты бедноты с рабочим классом;

9) рабочее движение «европейского» пролетариата в Средней Азии имело слабые революционные традиции до 1917 г. и до получения централизованного руководства от единого пролетарского центра — коммунистической партии — имело крупнейшей ошибкой недоучет национального вопроса;

10) только свержение диктатуры капитализма в России дало возможность трудящемуся коренному населению Туркестана воспользоваться всем наследием капиталистического развития Средней Азии. И под гидрой диктатуры пролетариата, советов, ВКП(б) — трудящиеся Туркестана сумели создать свои советские республики по национальному признаку и на основе крепкого единства с СССР двинуться к строительству социализма.

УРКМЕННОВЕДЕНИЕ

№ 2-3 =

ФЕВРАЛЬ-МАРТ
1930

= № 2-3

Исторические „открытия“ т. Карпыча

(КАК ИЗ НЕВЕЖЕСТВА ВЫРОСТАЕТ КОЛОНИЗАТОРСТВО *)

Тов. В. Карпыч почтил пишущего эти строки своим благосклонным вниманием. Он взял на себя достойную поощрения миссию исправить все «грубые методологически» и «вредные политически» ошибки, принадлежащие мне и, как уверяет т. Карпыч, некоторым другим товарищам, писавшим о Средней Азии. Совершенно естественно желание исправляемого проверить, насколько верно его поправляют. Ниже следующие строки и будут посвящены этой проверке. Не наша вина, что нам придется заниматься раз'яснением нашему оппоненту элементарных положений марксизма-ленинизма, — таких положений, справки о которых можно бы легко получить в учебном порядке хотя бы в заочном комуниверситете или даже совпартшколе. Работа для полемизирующего довольно таки неблагодарная. Утешением, придающим некоторый смысл этой работе, служит разве только то, что всеми этими справками у людей, подобных нашему оппоненту, ослабляется охота делать из своей невинности по части знания Ленина теоретическую базу для обоснования колонизаторской концепции истории Средней Азии.

САМОДЕРЖАВИЕ И ЕГО РОЛЬ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.

Тов. Карпыч исходит из положения, что российское самодержавие никакого отношения к Туркестану, как колонии, не имело, что Туркестан был завоеван российским промышленным капитализмом и во весь период времени своего колониального состояния был его, промышленного капитала, колонией. Этот вывод у тов. Карпыча получается после того, как он тщательно берет на учет опубликованные в одной из моих работ факты, говорящие об интересах промышленного капитала в Ср. Азии в эпоху завоевания.

Законно, конечно, выбирать какие угодно факты, из каких угодно работ, но совершенно незаконно в угоду защиты своего положения игнорировать факты, ему противоречащие. Для всякого абсолютно ясно, что если вы хотите доказать, что самодержавие **никаких** интересов в Ср. Азии не имело, для этого абсолютно **недостаточно** сказать, что там имели место интересы промышленного капитализма и империализма. Нужно еще, кроме того, показать, что классы, представляемые самодержавием, действительно абсолютно не интересовались Туркестаном, никакого отношения к нему не имели. Эта же последняя часть аргументации у нашего оппонента абсолютно отсутствовала.

Почему же отсутствовала? Присматриваясь ко всему написанному тов. Карпычем и видишь, что это

вытекает у автора из **неленинского** понимания классовой сути российского самодержавия. В статье не только отсутствует соответствующая аргументация о колониальной политике царизма, но и определение, чьи же интересы защищало самодержавие. Везде, где это последнее упоминается, оно фигурирует, как **какая-то** надклассовая сила — «самодержавная жандармская Россия», — как выражается наш автор. Из небезызвестной полемики по этому вопросу теперь всякий грамотный знает, с каким строем мыслей связывается **такое** понимание российского самодержавия. Для того, чтобы отвести бьющие в глаза факты и аргументы, говорящие о том, что российские крепостники-помещики и торговый капитал были причастны к колониальной эксплуатации Туркестана, наш уважаемый оппонент просто сбрасывает со счетов эту социальную базу самодержавия и преподносит нам, в качестве неизбежного устоя своих построений троцкистское понимание самодержавия и его классовой сущности.

Вина пишущего эти строки и «грубая, политически вредная ошибка» заключается таким образом, прежде всего, в том, что он в своих работах исходит не из троцкистского, а из ленинского понимания российского самодержавия, что в силу этого он вскрывает черты средневековья в колониальной эксплуатации Туркестана, — черты, вытекавшие из интересов российских крепостников и торгового капитала.

Стоит ли здесь повторять наши аргументы, достаточно подробно изложенные в критикуемых нашим оппонентом работах? Гораздо полезнее, пожалуй, будет дать просто справку из писателя, являющегося автором принимаемого нами понимания классовой сущности самодержавия.

Ленин следующим образом расценивает сущность национального гнета, царившего в России вплоть до Октябрьской революции:

«В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия) до сих пор (статья написана в 1912 году. П. Г.) не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — **абсолютизм** (неограниченная самодержавная власть), **феодализм** (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и **подавление национальностей**» (Ленин, т. 19, изд. стр. 16. Подчеркнуто мной).

Если для тов. Карпыча подавление Россией малых народностей (в конкретном случае народностей Средней Азии) — дело промышленного капитала, то для тов. Ленина это — один из остатков средневековья. Если для Карпыча, заметим кстати, хотя об этом еще будет речь впереди, господство «передовой» России — сплошной «прогресс» для колониально поработанной Средней

*) Ответ на статью В. Карпыча: „К теории завоевания Туркестана российским капитализмом“. „Туркменоведение“ №№ 8—9 и 10—11 за 1929 г.

Азии, то для Ленина это господство «страшно задерживает общественное развитие и рост пролетариата».

—Ленин здесь вовсе не имеет в виду Среднюю Азию.

Но,—скажет, может быть, наш уважаемый оппонент: Он говорит об угнетенных нациях—Украине, Финляндии, Польше... Средняя же Азия—колония. Это особого рода дело.

Да, но, ведь, и на этот счет у Ленина имеется достаточно крепкое словечко.

Особенность России,—говорит Ленин,—«как раз та, что между «нашими» «колониями» и «нашими» угнетаемыми нациями разница не ясна, не конкретна, не жизненна»... «Для русского социалиста, который хочет не только повторять, но и думать, должно бы быть ясно, что для России особенно нелепо пытаться провести какое либо серьезное различие между угнетенными нациями и колониями». (Ленин, т. XIX, изд. II, стр. 229. Первые два слова подчеркнуты Лениным. Последняя фраза подчеркнута мной).

Эта нелепость процветала в свое время в Ср. Азии. Некто А. Р. в № 1 «Революции в Ср. Азии» в своей статье: «Незаконные социал-демократические газеты Туркестана в первой революции» дал достаточно фактов, показывающих, как средне-азиатские соц.-демократы, решая национальный вопрос, бесконечно много говорили о Польше, Украине и Финляндии, забывал в то же время о Ср. Азии, видимо, ставя ее в особое положение. Но ведь это же было колонизаторство. Какая же разница между этой позицией и позицией Карпыча, когда он говорит: Польша—это одно дело, а Средняя Азия ведь была отсталой варварской страной, — это уже совершенно другое дело?

Говоря о национальном гнете царской России, как об одном из остатков средневековья, Ленин имеет в виду все угнетенные нации в России, в том числе и Среднюю Азию. Проводить разницу между Туркестаном и другими окраинами б. России это значит стоять на нелепой позиции, являющейся ничем иным, как обоснованием колонизаторства.

Сбросить со счетов при изучении колониальной политики крепостническое самодержавие можно только тогда, когда подходят к оценке этого последнего троцкистский. Ленинская же позиция влечет за собой учет того обстоятельства, что национальный гнет в России был одним из остатков средневековья, задерживавшим социально-экономическое развитие как окраин, так и коренной России.

Таковы наши первые выводы.

РОССИЙСКИЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ И ТУРКЕСТАН.

Но когда т. Карпычу удастся надергать из моих работ много фактов, говорящих о том, что российский промышленный капитализм имел свои промышленно-капиталистические интересы в Ср. Азии, то это говорит только о том, что я не игнорирую этого, совершенно очевидного, обстоятельства. И пусть не удивляется мой уважаемый оппонент, прочитав уже приведенные цитаты: я не игнорирую этого факта тоже в полном согласии с Лениным.

О значении колоний бывшей России для развития капитализма Ленин, в конце 90-х г.г., говорил следующее:

«Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может

развиваться вширь. Например, одновременное существование самых передовых форм промышленности и полусредневековых форм земледелия представляет из себя, несомненно, противоречие. Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и проч.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение. Само собой разумеется, что такое замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем». (Ленин, соч., т. III, изд. II, стр. 465).

Ленин, как видим, не забывая, что национальный гнет в России является одним из остатков средневековья, там не менее не игнорирует и вопроса о значении окраин-колоний для российского промышленного капитализма. И аграрный (крестьянский) капитализм, и промышленный (городской) капитализм, благодаря наличию колоний, получают возможность развития «вширь». Но от того, что промышленный капитализм получает возможность использовать российские колонии в интересах своего развития, снимается ли вопрос о средневековом характере российского господства в своих колониях? Абсолютно не снимается, вплоть до дня свержения носителя этих средневековых форм господства — крепостника-помещика — со всем его крепостническим аппаратом власти.

И об этом имеется соответствующее, но, видимо, неизвестное нашему просвещенному оппоненту, свидетельство Ленина. В 1915 году он пишет:

«В России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм».

И далее:

«Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником дохода является нередко полуфеодальная эксплуатация «инородцев». (Ленин, соч., т. XVIII, изд. II, стр. 198—99. Подчеркнуто мной).

Преобладание «военного и феодального империализма», «полуфеодальная эксплуатация инородцев», задерживающая развитие производительных сил—вот что у Ленина. Непричастность такого «остатка средневековья», как российское самодержавие и представляемые им классы, к колониальной эксплуатации окраин—вот что у нашего оппонента.

У Ленина фактом проникновения российского промышленного капитала в колонии не снимается вопрос о полуфеодальной эксплуатации колоний крепостниками и торгово-ростовщическим капиталом, у тов. Карпыча—снимается.

Но допустим на минуту, что Карпыч прав, что действительно самодержавие не причастно к эксплуатации колоний. Что из этого следует? Из этого следует,

что указанное Лениным «противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни», благодаря наличию колоний, не просто ослабляется, как по Ленину, а **разрешается**, а вследствие этого отпадает также и вопрос о буржуазной революции в России. Таковы логические концы троцкистского начала тов. Карпыча.

Но не забудем также, что весь огород загорожен именно для того, чтобы показать прогрессивность российского нашествия на Среднюю Азию. Видно, по Карпычу, поучающему нас смотреть «снизу вверх», а не «сверху вниз», задержка развития производительных сил в колониях в силу их «полуфеодальной эксплуатации» и отсрочка в силу наличия колоний, буржуазной революции в России называется прогрессом. Когда смотришь не как все нормальные люди, а «снизу вверх», тогда всегда получается наоборот.

ЗАВОЕВАНИЕ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ.

По вопросу о той роли, какую сыграло для Средней Азии российское завоевание, тов. Карпыч так подводит итог своим историческим открытиям: «Итак, на основе всего предыдущего разбора мы должны сделать тот **беспспорный вывод**, что завоевание Средней Азии российским капитализмом оказалось **исторически прогрессивным фактором для трудящихся Средней Азии, что оно явилось могущественным помощником нарождавшегося местному торговому капиталу, стремившемуся сломать ostatи феодальной ограниченности, тормозившие развитие Средней Азии**» (№ 10—11, стр. 48. Подчеркнуто мной). Словом, Россия, еще даже не совершившая у себя буржуазной революции, пришла и «перевернула всю Среднюю Азию», сделала, на зло всему миру, буржуазную революцию, сломала остатки феодализма и дала неограниченный простор для развития капитализма.

Эта революция по Карпычу складывалась из двух моментов: во-первых, самый приход русских, момент, т. е., политической революции: Россия пришла и свергла «**деспотический гнет ханов и эмиров, ведущих между собой нескончаемые кровавые распри**»... во-вторых, последствия этого прихода—постройка железных дорог, развитие хлопководства, рост капитализма и т. д.

Разберем пока только первый момент.

Тов. Карпыч, желая пожать лавры своего «предшественника», не меньшего колонизатора, чем он сам, тов. Резцова, с победоносным видом цитирует известные письма Маркса об Индии и, наконец, заканчивает всю эту вереницу цитат местом из письма Энгельса к Марксу, где говорится, что «**русское господство, со всей его пошлостью, со всей его славянской грязью, было цивилизирующим для Черного и Каспийского морей и для Центральной Азии, для башкир и татар**». Две «мелочи», однако, упущены из виду. Мелочь первая: что Энгельс, говоря о «цивилизующем значении», т. е. о проникновении в указанные районы, вследствие влияния России, капиталистических отношений, не забывает также сказать и о пошлости и грязи господства русских над перечисленными «инородцами», иначе говоря—о тех противоречиях, которые вытекали из этого господства; и мелочь вторая: что все очень меткие и глубокие замечания Маркса по поводу Индии и разрушения англичанами индийской замкнутой общины **во все не подходит к Средней Азии**, ибо условия Средней Азии эпохи прихода русских **коренным образом отличались от условий Индии эпохи прихода англичан**.

Клянущийся марксистской диалектикой и именами ее величайших мастеров, наш оппонент, однако, абсолютно забывает об этой диалектике, когда нужно по нять совершенно точные и конкретные высказывания этих мастеров. Когда Энгельс указывает на противоречивые процессы, он принимает это высказывание за схоластическое да»; когда Маркс говорит по поводу **одной** конкретной страны для **одной** конкретной эпохи, он это возводит во «всеобщий» закон для всей Азии.

К цитате из Энгельса нам еще придется вернуться несколько в другой связи, здесь же совершенно необходимо обратить внимание на то, как наш оппонент по своей забавной наивности сам дает нам факты, показывающие всю нелепость механического перенесения высказываний Маркса в «Письмах об Индии» на Среднюю Азию. Он услужливо цитирует нам очень меткие места из работы И. Ходорова, которые говорят о том, что к середине XVIII века в истории Средней Азии произошел перелом: «Борьба между владельцами узбекских уделов, длившаяся около 250 лет (1510—1756 гг.), закончилась победой сильных феодалов и последовавшим за этим процессом «собирания земли», но этот процесс политической консолидации Средней Азии не успел закончиться. К моменту завоевания Туркестана Россией на исторической арене оставались еще 3 ханства: Бухарское, Кокандское и Хивинское, продолжавшие между собою борьбу за политическое господство на всей территории Средней Азии. Как в свое время в Западной Европе и в России, борьба новых ханов с феодальной родовой знатью сопровождалась конфискацией ее имущества, высылками строптивых феодалов, наложением опалы, заговорами и убийствами».

Возможно ли ставить знак равенства между страной, где происходил описанный в этой цитате процесс, и Индией XVII века, где царила замкнутая община, где ни о каком даже зарождении процесса «собирания земли» не могло быть и речи?

Всякий, кто еще не растерял последней добросовестности в обращении с фактами, скажет, что невозможно. У нашего же оппонента получается наоборот: все, что сказано Марксом об Индии, «вполне применимо» и к Средней Азии.

Если уж действительно прибегать к сравнениям и аналогиям, то не лучше ли сделать так, как сделал автор приведенной цитаты: сравнить процесс «собирания земли» в Средней Азии с соответствующими процессами в государствах Западной Европы и в России в эпоху перехода от средних веков к позднему феодализму или крепостничеству? Это сравнение, по крайней мере, будет законным, ибо оно сближает **действительно сходные** исторические процессы, а, кстати сказать, помогает нам, при помощи Ленина, разобраться и в их историческом значении.

Ленин тот период русской истории, который «характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких (т. е. автономных. П. Г.) областей, земель и княжеств в одно целое», расценивал как период создания «связей буржуазных». «Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтенный г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением,—оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как со-

зданием связей буржуазных». (Ленин, соч. т. I, изд. 2, стр. 73).

Не понимая объективной сути тех процессов, какие происходили во второй половине XVIII и в первой половине XIX века в Средней Азии, наш оппонент во имя «цельности» своей концепции вынужден развязно заявить, что констатированное «снова начавшееся процветание Средней Азии»... сопровождалось «несомненным возрастанием роли возникшего и развивавшегося торгового капитала». Не отвергает он и других объективных признаков роста буржуазных связей в Ср. Азии, вроде весьма ошутительного подъема внутренней и внешней торговли, в частности торговли с Россией. Он только не знает, что констатирование всех этих фактов требует также того, чтобы из них был сделан соответствующий вывод. Этот же вывод гласит, что именно рост торгового капитала в Средней Азии в интересующее нас столетие явился причиной того, что начался и развивался процесс «собираания земли», крупные феодалы раздавливали мелких, создавались самодержавные однопациональные государства... Какой же грамотный человек будет сомневаться, что «руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы» и что «создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»? еВдь даже Карпычу известно, что хивинский, бухарский и кокандский ханы были «первыми купцами своего государства».

Но наш оппонент, видно, не принадлежит к числу грамотных людей и поэтому он, буквально рядышком (на следующей странице), с тем местом, где им констатирован рост торговой буржуазии, начинает нас уверять, что три великих ханства «не удовлетворили торговую буржуазию», ибо они вели «междоусобные войны», иначе говоря, вели борьбу за создание, в конце концов, единого средне-азиатского государства, ибо, во-вторых, «стародавний (!), закоренелый (!)» деспотический феодализм этими ханствами не был подорван, иначе говоря (если отбросить все «стародавнее» и «закоренелое», что исторически неверно) создавались и укреплялись нужные торговому капиталу единые государства с централизованной монархической властью. Словом, торговый капитал оказывается недовольным как раз тем, что с самого начала создавалось и существовало во имя его интересов, во имя как раз, прежде всего, ему нужных «буржуазных связей». Вот и пойми, где здесь «сверху вниз», а где «снизу вверх».

И дело, уверяет наш оппонент, стояло очень серьезно. Торговая буржуазия была настолько недовольна своими только что созданными (то-бишь, «стародавними» и «закоренелыми») самодержавными монархиями, что она пошла на все, сделала «пораженческой», вышла «навстречу надвигающемуся российскому капитализму», чтобы свергнуть своих собственных монархов и посадить себе на шею российского купца со всеми его привилегиями (вспомните, какие неравноправные торговые договора диктовали эти пришельцы средне-азиатским ханствам).

И русские пришли, конечно, свергать «стародавние» и «закоренелые» средне-азиатские деспотии, делать революцию... Но, странное дело, факты здесь что-то начинают фальшивить (тем хуже для них!). Пришельцы поддерживают бухарского «стародавнего» и «закоренелого» деспота, когда против него, за неравноправный мир с Россией подымается революционная волна, во главе с торговой буржуазией. Силою русских штыков хан удерживается на престоле со всей его «стародав-

ностью» и «закоренелостью» вплоть до революции 1917 года. Удерживается при той же поддержке и хивинский «стародавний» и «закоренелый» деспот.

А в кокандское ханство Россия дважды посылает войска, чтобы: в первый раз удержать на престоле «стародавнего» и «закоренелого» Худоят-хана, а затем, когда это не удастся, — во второй раз, чтобы удержать на престоле нового «закоренелого», только что завербованного сторонника русских Наср-Этдин-хана.

Была защита пришельцами от местной торговой буржуазии «стародавних» и «закоренелых», потому что они стали на сторону этих пришельцев, потому что вместо самодержавных ханов, выполнявших прогрессивные функции, создание единопациональных централизованных самостоятельных государств, они стали проводником иноземного господства и этим самым вступили в противоречие с интересами туземной торговой буржуазии, которая стояла за сохранение самостоятельности, против неравноправных договоров... Но когда нашему оппоненту вдруг вздумалось посмотреть «снизу вверх», то все оказалось наоборот. Оказалось, что Россия делает революцию, уничтожает старые деспотии и т. д. и т. д.

И действуют смотрящие «снизу вверх» по принципу: фальшивить, так уж фальшивить до конца! В конце статьи приводится цитата из Сталина, где говорится, что революционное значение национального размежевания Ср. Азии состоит в том, что это — «прежде всего воссоединение разорванных частей этих стран в независимые государства». Просто удивительно, как можно приводить такую цитату и не спросить себя: когда же эта разорванность частей была создана? Самая минимальная добросовестность или «умение не только повторять, но и думать» (Ленин) заставили бы сказать, что она создана именно в эпоху завоевания края русскими. Именно тогда, когда, по мнению нашего оппонента, русские совершали революцию в Ср. Азии, были законсервированы на многие десятилетия и бухарское, и хивинское ханства, окончательно ликвидированные, уже будучи республиками, во время национального размежевания. Но что поделаешь с человеком, который во что бы то ни стало хочет смотреть «снизу вверх»?

Если попытаться после всего сказанного сформировать, из каких, собственно говоря, в основе своей, идей состоит весь этот только что разобранный огород нашего оппонента, то мы увидим, что этих идей две. Первая: Россия, по сравнению со Средней Азией, была прогрессивна, она несла цивилизацию. Кто смеет возражать против «прогрессивного» и даже «революционного» нашествия русских цивилизаторов? Вторая: Средняя Азия — варварская страна. Там господствуют постоянные «междоусобные побоища» и «стародавний, закоренелый деспотический феодализм». Кто смеет отрицать за «цивилизованной» Россией право прийти и «цивилизовать» эти «деспотические» порядки?

Что означают эти идеи? Ничто иное, как оправдание агрессивной политики паризма на Востоке. Новы ли они? Абсолютно не новы. В свое время самодержавие имело достаточное количество отъявленных колонизаторов, «господ ташкентцев», которые «подводили» «теоретическую базу» под российскую политику в Средней Азии. И все они, положительно без всяких исключений, исходили именно из этих двух идей. Возьмите любое из произведений русских генералов по истории завоевания Ср. Азии: Макшеева, Костенка, Терентьева, Гродекова, Куропаткина и т. д., и т. д. — везде в основе

их произведений вы найдете именно эти убогие идеи. Везде, «рассудку вопреки, наперекор стихиям», они подлинно реакционную российскую монархию, давно уже сыгравшую свою историческую роль и в середине XIX века уже являвшуюся анахронизмом, изображали носителем «цивилизации», а средне-азиатские «деспотии», еще делавшие свое прогрессивное дело, еще ведшие кровавые войны за национальное объединение, за создание единого внутреннего рынка и т. д., они аттестовали, как «стародавние» и «закоренелые», «ведшие нескончаемые кровавые распри» (цитируем «по» Карпычу, а не «по» генералам). Но ведь это же были генералы, рассуждавшие от «патриотического чувства», а не от разума. Что же заставляет т. Карпыча в 1929 (!) г. «отвлекаться» от разума, искажать факты и предаваться своим «чувствам»?

РОССИЙСКИЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ, ИМПЕРИАЛИЗМ И «ПРОГРЕСС» В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Но тем, что описано в предыдущей главе, «революция» в Средней Азии, произведенная российскими господствующими классами, исчерпывается только наполовину. Вторая часть революции, как помним, заключается в том экономическом прогрессе, который был принесен в край российским промышленным капиталом. Автор, при этом, всю историю колониального состояния Средней Азии делит на две части: XIX век, период прогрессивного влияния российского промышленного капитала, период, когда российское господство ломало «остатки феодальной ограниченности», «перевернуло всю жизнь Ср. Азии», и XX век, период империализма, когда «революционизирующее значение европейского капитализма закончилось, колонизация становится удушающими оковами для развития».

Но в чем же конкретно революционизирующее значение российского промышленного капитала? Автор, насколько нам удалось уловить, находит три момента этой хозяйственной революции: 1) бешеное развитие хлопководства, 2) постройка железных дорог, 3) разложение натурального хозяйства и рост денежных отношений. Факты на этот раз констатированы верно, но... к сожалению, и сейчас они противоречат утверждениям автора.

XX век—эпоха, когда «прогресс» кончился, когда наступил «удушающий» период, а между тем даже сам автор констатирует, что и в этот период все элементы прогресса были налицо: строились железные дороги (Ташкентская дорога закончена в 1906 г.), развивалось хлопководство, росло денежное хозяйство. И читатель недоуменно спрашивает: а как же так, где же констатированный тов. Карпычем конец прогресса и начало реакции? Выходит одно из двух: либо прогресс, указанный нашим оппонентом,—не прогресс, либо не было «удушающего» периода.

Запутавшись в неправильной постановке вопроса о прогрессивной роли промышленного капитала в Ср. Азии, выдвинув, в качестве щита от обвинений в колонизаторстве, «удушающий» период, наш оппонент еще глубже погряз в безысходное болото своих исторических «открытий», противоречащих на каждом шагу фактам, и нам опять приходится брать за разъяснение элементарных вещей, чтобы как нибудь распутать эту путаницу.

Кто спорит о том, что российский капитализм, проникая на окраины, не приносил туда разложения натурального хозяйства, роста денежных отношений и т. д.? Этот факт установлен Лениным еще в конце 90-х гг.

Разобрав историю российского капитализма, он говорил, что «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства».

Это положение Ленин иллюстрировал рядом фактов из истории колонизации Кавказа и в заключение заметил: «Нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит в Ср. Азии и в Сибири и т. д.» (Ленин, соч. т. III, изд. 2, стр. 464).

Только, в отличие от тов. Карпыча, Ленин нигде не сказал, что в эпоху империализма, когда наступал «удушающий» период, вся эта работа прекратилась. Наоборот, согласно учению Ленина, именно в эпоху империализма, когда уже весь мир поделен, когда империализм проник во все самые отдаленные, самые отсталые уголки земного шара, это вовлечение отсталых стран «в водоворот мирового хозяйства» получает небывалые размеры... Более того, типичный для эпохи империализма вывоз капитала «в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряет его» (Ленин, собр. соч. т. 19, изд. 2, стр. 122. Подчеркнуто мной).

Выходит, период «удушения», по Ленину, оказывается периодом, в который под влиянием колониального господства капитализм в колониях развивается и шире, чем в предыдущий период, и быстрее.

А между тем и Ленин, и партия, и Коммунистический Интернационал колониальное господство империализма считали и считают явлением реакционным, задерживающим развитие производительных сил, как в метрополиях, так и в колониях. И это, видимо, долетело даже до уха нашего оппонента иначе откуда бы он взял свой «удушающий» период?

Не ясно ли, что здесь что-то напутано? Но, конечно же, в этом, я думаю, можно не сомневаться, напутал не Ленин...

Путаница нашего оппонента уже начинается там, где он, цитируя Маркса и Энгельса, все время пытается у них найти схоластические «да» или «нет» и не видит двойственности процесса. Ухватившись за звено, где говорится о включении колоний в систему мирового хозяйства, о развитии капитализма, и так далее, он выбрасывает все то, что, являясь следствием колониального господства, накладывает пути на развитие народного хозяйства колоний, и поровозглашает: Прогресс! Прогресс! Прогресс!

И только случайность, давшая нашему автору возможность от кого-то услышать, что империализм—это реакция, не позволила ему эту самую точку зрения развернуть и на эпоху империализма, ибо цитат из Ленина на этот счет можно было, при методе цитирования т. Карпыча, набрать достаточно. *)

Но что же, все таки, несмотря на содействие развитию капитализма (надо уже, раз взялись, продолжать наши популярные разъяснения) есть реакционного в колониальном господстве (пусть пока одного империализма)?

Гнет политический и экономический, «политические и экономические бедствия», как выражается Ленин,—вот короткий ответ на этот вопрос. Империализм приносит чужденациональный аппарат власти, приви-

*) „Предшественник“ тов. Карпыча—Резнов так ведь и сделал. Он не постеснялся схоластические рассуждения довести до конца. У него российское господство в Ср. Азии „всегда“ было прогрессивно.

легии «своей» монополистической буржуазии, поддержку самых реакционных классов и самых допотопных методов эксплуатации в колониях, искусственную поддержку развития тяжелой индустрии и т. д. и т. д.

Но спрашивается, можно ли в этом отношении поставить какую-либо принципиально резкую грань между колониальной политикой царизма и промышленного капитала, с одной стороны, и империализма, с другой? Можно ли, наконец, проводить такую резкую грань на рубеже XIX и XX веков для Туркестана? Можно, если путать все и вся так, как путает тов. Карпыч; нельзя, если стоять на позиции Ленина. Ленин указывал неоднократно на различие колониальных политик на разных ступенях общественного развития, но в то же время он говорил: «Колониальная политика и империализм существовали и до последней ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм» (Ленин, соч., том 19, изд. 2, стр. 137. Подчеркнуто мной).

Почему, предостерегая от отождествления различных колониальных политик, Ленин, в то же время, все их подводит под одно понятие—империализм? Потому, что между всеми колониальными политиками «великих» держав, будь то империалистическая Англия, русский Рим или царская Россия, есть общее—политическое и экономическое подавление поработанных национальностей.

Я уже показал в своих работах, что экономическое и политическое подавление Ср. Азии в XIX веке мало чем отличалось от подавления XX века. Теперь очередь за моим оппонентом уже не голыми рассуждениями, а фактами показать, что бывшего в XX веке гнета в XIX веке не было и что ленинское понимание колониальной политики царизма на Ср. Азии не подтверждается. Пока же тов. Карпыч этого еще не сделал, мы предпочитаем держаться ленинского мнения, что экономический и политический гнет в Средней Азии, задерживавший общественное развитие, был и в XIX, и в XX веке и что отличие крепостнической России от западно-европейских стран в этом отношении заключалось только в том, что в ней угнетение «инородцев» было гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских). (Ленин, соч., т. XVII, изд. 2, стр. 437).

Значительное место в аргументации за «прогрессивность» российского господства в Ср. Азии у нашего оппонента занимают цитаты о прогрессивности капитализма вообще. Всякому, однако, ясно, особенно после всего сказанного, насколько неуместны эти цитаты, как удивительно искусно на их примере тов. Карпыч «показом» поучает читателя, как можно приводить цитаты, что называется, «ни к селу, ни к городу». Нет абсолютно никакой охоты отвечать на такого рода «учебность». Хотелось бы только в заключение этой главы привести интересное место из Ленина, которое является ответом гораздо более искусным, чем наш оппонент, сторонникам «прогрессивной» роли русского промышленного капитала в деле подавления национальностей.

Отстаивая программу самоопределения наций, программу, которая ликвидирует все политические бедствия, вытекающие из национального гнета, господствовавшего в царской России, и которая создает «отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом

принципе привилегии», Ленин предвидит следующее возможное возражение:

«Нам возразят, может быть, что кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплавляя громадные области. Но такое возражение не оправдывает (слушайте, т. Карпыч!), а еще сильнее обвиняет наших социалистов-шовинистов, которых надо бы назвать царско-пуришкевическими социалистами (как Маркс называл лассальянцев королевско-прусскими социалистами)... Почему все это? Потому что: не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах) помогать Романову-Бобринскому-Пуришкевичу дупить Украину и т. д.» (Ленин, соч., т. XVIII, изд. 2, стр. 82. Подчеркнуто мной).

Вы, может быть, дорогой тов. Карпыч, обижаетесь на меня, что я вас назвал колонизатором за создание исторической концепции, прикрывающей ссылкой на «великорусский капитализм», который делает прогрессивную работу», оправдание хищнической царской колониальной политики. Рекомендую вам сначала рассердиться на Ленина, который гораздо раньше меня обозвал вас социалистом-шовинистом и царско-пуришкевическим социалистом.

Если теперь, по примеру предыдущей главы, опять попытаться взять, наконец, на учет все теоретические «открытия», содержащиеся в этой части работы нашего оппонента, то они сведутся только к одной следующей идейке: прогрессивная Россия облагодетельствовала Среднюю Азию, дала железные дороги, хлопок, развитие капитализма и т. д. и т. д. Но у кого же из царских колонизаторов нет этой идеи, как главной мысли всех их писаний? Разве не метко ленинское выражение: царско-пуришкевический социалист?

ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В СР. АЗИИ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Отличие колонизаторской концепции истории колониального периода Средней Азии. Резцов-Карпыча от концепции, данной Лениным и защищаемой пишущим эти строки, заключается в том, что первые не считают для себя обязательным анализировать противоречия, вытекающие из колониального господства России в Средней Азии, изучать, так сказать, те экономические и политические бедствия, которые были принесены в Среднюю Азию этим господством и которые стояли поперек дороги хозяйственному развитию этой страны; я же считаю необходимым, следуя за Лениным, выдвигать эти противоречия на первое место, подходить к истории колониальной политики именно с этого конца. Отсюда и знаменитый вопрос о двух путях развития капитализма в Средней Азии. Конечно, если не признавать никаких колониальных противоречий и никакого гнета России в Средней Азии, тогда другого исторически возможного пути для Средней Азии не было. Но если позволить себе хоть на минуту правильно оценить так называемый «прогресс» Ср. Азии в эпоху ее колониального состояния, тогда вопрос о двух путях вскрывается совершенно иначе.

Что такое этот прогресс? Это—вовлечение Средней Азии «в водоворот мирового хозяйства», это—развитие в ней капитализма. Но неужели для этого были обязательны завоевание края Россией и весь тот гнет, который явился следствием этого завоевания и который на каждом шагу тормозил экономическое развитие страны? Абсолютно не обязательно.

«Нет сомнения, говорит Ленин, что большая часть Азии, наиболее населенной части света, находится в положении либо колоний «великих держав», либо государств, крайне зависимых и угнетенных национально. Но разве это общественное обстоятельство колеблет хоть сколько нибудь тот бесспорный факт, что в самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, т.-е. только в самостоятельном национальном государстве? Это государство—буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии; мы не знаем, успеет ли Азия, до краха капитализма, сложиться в систему самостоятельных национальных государств, подобно Европе. Но остается неоспоримым, что капитализм, разбудив Азию, вызвал тем повсюду национальные движения, что тенденцией этих движений является создание национальных государств в Азии, что наилучшие условия развития капитализма обеспечивают именно такие государства» (Ленин, соч. XVII, изд. 2, стр. 430—31. Подчеркнуто мной).

Азия, несмотря на всю свою отсталость, по мнению Ленина, вовсе не представляет какого-либо исключения из правила, установленного еще Каутским, что наилучшие условия развития капитализма обеспечиваются именно самостоятельными однациональными государствами. Когда наш оппонент заявляет, что искать какой-то другой путь для развития Средней Азии, кроме пути подчинения России, «совершенно невозможно», то этим самым он отвергает приведенное положение Ленина. Вовлечение «в водоворот мирового хозяйства» и развитие капитализма в Средней Азии свершилось бы гораздо легче, если бы она не имела над собой чужеземного гнета, а находилась именно в таких благоприятных условиях, о которых говорит Ленин. И что такой способ вовлечения был исторически возможен без завоевания, об этом говорят хотя бы, цифры роста внешней торговли Средней Азии перед завоеванием. Мы уже не повторяем всего сказанного выше о собирании земли, о создании однациональных государств и т. д. Следовательно, второй путь, путь более быстрого и менее мучительного развития капитализма в Ср. Азии, был и мы этого не можем отрицать, если не хотим создавать колонизаторских концепций истории Средней Азии, оправдывающих российское нашествие.

А раз был этот путь развития, путь более прогрессивный, чем путь колониального порабощения, то и борьба за самостоятельность в эпоху наступательного движения русских в Среднюю Азию была борьбой прогрессивной.

Но тут опять вмешивается новый вопрос, в котором тоже нашему оппоненту все вещи кажутся стоящими вверх ногами. Тов. Карпыч считает необходимым напомнить нам, что Ленин некоторые войны считал прогрессивными. В доказательство своей правоты он цитирует даже слова Ленина, где тот говорит, что прогрессивной может быть такая, например, война, которая разрушает «самые варварские в Европе династии» (турецкую и русскую). (Подчеркнуто мной). И отсюда... (прыжок с переворачиванием вниз головой, достойный подражания со стороны величайших спортсменов мира)... значит война России, иначе говоря, страны с «самой варварской в Европе династией», за подавление все новых и новых народностей в Ср. Азии—прогрессивна... Удивительно!.. Но, ведь, это не только написано, но и напечатано...

Опять нам приходится продолжать наш цитатник по Ленину на некоторые случаи жизни нашего оппонента...

«Как же найти «действительную сущность» войны, как определить ее? Война есть продолжение политики. Надо изучить политику перед войной,—политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистическая, т.-е. защищающая интересы финансового капитала, грабщая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистическая война. Если политика была национально-освободительная, т.-е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная война».

И несколько выше, на этой же странице: «Если «действительная сущность» войны состоит, например, в свержении чуженационального гнета (что особенно типично для Европы 1789—1871 гг.), то война прогрессивна со стороны угнетенного государства». (Ленин, соч., т. 19, изд. 2, стр. 199).

И в другой работе те же войны эпохи 1789—1871 гг. называются Лениным прогрессивными за то, что они велись «ради свержения национального гнета и создания из феодально-раздробленных — национальных капиталистических государств». (Ленин, соч., т. 18, изд. 2, стр. 127).

Одно из двух: либо тов. Карпыч вообще ставит ни в грош все то, что когда-либо говорил и писал Ленин, либо ему, после того, когда он начал смотреть «снизу вверх», все кажется перевернутым вверх ногами: не Россия, мол, вела наступательную империалистическую (империалистическую в том смысле, в каком понимает это Ленин в приведенной уже выше цитате о возможности империализма даже при рабстве) войну, а Среднеазиатские ханства... Мы нарочно привели также то место из Ленина, где говорится об объединении раздробленных феодальных государств, авось это поможет нашему оппоненту несколько иначе взглянуть и на «нескончаемые кровавые распри», направленные на объединение страны в одно государство, и на борьбу Кенисары-Касимова, ставившего себе двойную задачу: объединить киргиз и казаков в одно государство и отстоять их самостоятельность.*)

Наш оппонент способен, конечно, и на буквешество. Он может придаться к тому, что мы применяем цитату, говорящую об эпохе финансового капитала, ко времени, когда его на лицо не было. Но не ясно ли всякому, что о финансовом капитале здесь Ленин говорит, как о примере, пополняющем его мысль, центр же тяжести цитаты в указании на метод, как отличить войну захватническую (империалистическую) от войны оборонительной (национально-освободительной).**) Вывод и решение вопроса о «действительной сущности» войны из анализа политики перед войной—вот метод, который рекомендует нам Ленин. И мы этим методом пользовались, изучая подлинный характер русского наступления на Среднюю Азию и борьбы средне-азиатских народностей против этого наступления.

*) См. об этом нашу статью в сборнике „Революция в Средней Азии“ № 2

**) Во избежание лишних недоразумений, считая также необходимым указать оппоненту на стр. 249, соч. Ленина т. XVIII, изд. II, где Ленин указывает, что Маркс и Энгельс „каждую войну“ рассматривали, как „продолжение политики данных заинтересованных держав“. (Подчеркнуто Лениным).

Но зато мы должны констатировать, что далеко не этим методом пользуется наш оппонент, когда он засыпает нас декламацией на счет того, что Галузо, мол, «газаватистов» (о, какой ужас), духовенство и знать, стоявших за сохранение так не милых сердцу тов. Карпыча «закоренелых» и «стародавних» «деспотий», зачисляет в революционеры. Действительно, преступление громадное. Каюсь... Но в чем оно состоит? В том, что я исхожу из объективного анализа вещей, из точного определения задач революции, а не из принимаемой Карпычем и отвергаемой Лениным «точки зрения формальной демократии»^{*)}. В скобках, впрочем, можно заметить, что даже точка зрения формальной демократии т. Карпыча, если бы... если бы она не была разбавлена колонизаторским душком, а была бы проведена достаточно последовательно, не могла привести к тем выводам, до которых докатился наш оппонент. Об этом достаточно говорилось выше в главе «Завоевание или революция».

Итак: решить по ленински вопрос о характере российского наступления на Среднюю Азию, это значит признать прогрессивность оборонительных войн и национально-освободительной борьбы средне-азиатских народностей во второй половине XIX века, **несмотря** на их газаватистскую окраску. Решить вопрос по-колонизаторски, так, как решает его Карпыч, значит прийти к противоположным выводам. Ну, и защищайте ваши выводы, т. Карпыч, а нам с вами не по дороге.

^{*)} См. Сталин: „Вопросы ленинизма, изд. 1926 года, стр. 131.

Кто наделал «грубых методологически» и «вредных политически» ошибок: автор работы «Туркестан—колония» или его оппонент, теперь становится более или менее ясным. Тов. Карпыч полагает, что: «Наибольшее количество ошибок в изложении нашими товарищами истории Ср. Азии происходит вследствие того, что наши историки до сих пор удивительно неудачно и неправильно выбирали себе наблюдательный пункт: с него можно было видеть события только «сверху вниз», нельзя было взглянуть на эти события «снизу вверх», чтобы увидеть те доподлинно внутренние изменения, какие происходят в самой толще социально-экономической структуры Ср. Азии».

Это рассуждение на тему: «Мы верно уж поладим, коль рядом сидим»—нам представляется далеко не удовлетворительным. Вопрос абсолютно не решается тем, где сидеть или стоять и **откуда** смотреть. Вопрос решается тем, **как** смотреть, по марксистски или не по марксистски, владея марксистской методологией или нет. Иначе говоря: истина заключается в ответе соловья: «Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье»...

